

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR

Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 30)

Проф. д-р А. Коцевалов

**Античное рабство и революции рабов
в советской исторической литературе**

М ю н х е н

1 9 5 6

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR

Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 30)

Проф. д-р А. Коцевалов

**Античное рабство и революции рабов
в советской исторической литературе**

М ю н х е н

1 9 5 6

Исследования и материалы Института редактируются Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Издательская Коллегия.

A. Kotsevalov

Soviet Studies of Ancient Slavery and Slave Uprisings

A. Kotsevalov

**Das Sklaventum der Antike und die Sklavenrevolutionen
in der sowjetischen Geschichtsliteratur**

A. Kotsevalov

**L'Esclavage antique et les révolutions des esclaves
dans la littérature historique soviétique**

München

1956

Институт по изучению СССР был организован в Мюнхене 8 июля 1950 г. Институт является свободной корпорацией ученых, покинувших Советский Союз и работающих по научному исследованию СССР. Результаты этого исследования имеют целью рассеять неведение, существующее относительно СССР, и сообщить демократическому миру достоверные данные, относящиеся к Советскому Союзу.

Всякий научный работник или исследователь может стать сотрудником Института, независимо от его национальности или политических убеждений, при том условии, что он не является членом коммунистической партии или сочувствующим ей. Поэтому все эмигранты из СССР, имеющие научную квалификацию, имеют право участвовать в работе Института независимо от места их жительства.

Институт, ныне находящийся в Мюнхене, есть преимущественно центр корреспонденции для научных работников, эмигрантов из СССР. Институт издает научные журналы (Вестник Института и др.), монографии, сборники статей, бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР и т. д. Институт также организует конференции ученых, эмигрантов из СССР, и оказывает скромную материальную помощь этим ученым в их исследовательской работе.

The Institute for the Study of the USSR, organized in Munich on July 8, 1950, represents a free corporation of scientists and men and women of letters who have left the Soviet Union and are now engaged in research on their homeland. The purpose of their work is to push back the frontiers of ignorance by presenting to the democratic world the truth about the Soviet Union.

Anyone engaged in scholarly investigation may take part in the activities of the Institute regardless of his national or political affiliations provided he is not a Communist Party member or sympathizer. All members of the Soviet emigration who have scholarly qualifications are, therefore, eligible to participate in the work of the Institute, irrespective of their places of residence. The central office of the Institute, now located in Munich, is primarily a clearinghouse for the emigré scholarship of the USSR. In addition to publishing journals and papers, the Institute sponsors conferences on the USSR and gives modest grants-in-aid for research studies by emigré scholars.

ВВЕДЕНИЕ

Советские историки античного мира, следуя учению Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о смене формаций — первобытной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической — и покорно повинаясь предписанию Сталина прежде всего изучать отношения раба к рабовладельцу ¹⁾, стремятся во что бы то ни стало доказать, что хозяйство античного мира в Греции с VII—VI вв. до Р. Х. ²⁾ и в Риме со времени завоевательных войн III и II вв. до Р. Х. ³⁾ было всецело основано на рабовладельческом способе производства. Однако марксистская доктрина о том, что в античности везде господствовало рабовладение и что наряду с рабовладением не существовало феодализма, представляется спорной. Рассмотрим учение советских авторов о рабовладельческом способе производства, о его кризисах и революциях рабов и крестьян и о падении рабовладельческого способа производства и возникновении нового способа производства — феодального.

¹⁾ И. Сталин. Краткий курс истории ВКП(б), 1938, стр. 116; Сталинский краткий курс истории ВКП(б) и советская историческая наука, ВДИ, 1948, 3; Ленин и советская историческая наука, ВДИ, 1949, 1; Историческое значение трудов товарища Сталина для изучения первобытнообщинного и рабовладельческого общества, ВДИ, 1949, 4 и др.

²⁾ А. Тюменев. Разложение родового строя и революция в VII—VI вв. в Греции, ИГАИМК, 76, стр. 62—110 (Тюменев полагает, что классовая борьба времени падения родового строя в Греции была революцией, направленной против родовой знати, переродившейся в землевладельческую олигархию); Я. Ленцман. О возникновении товарного производства в древней Греции, ВДИ, 1953, 3, стр. 46—64 (По мнению Ленцмана, только в VII в. возникли в Греции те четыре условия, которые Энгельс

ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАБОВ

1) Прежде всего нельзя не отметить путаницы у советских ученых, рассматривающих термины для обозначения рабов.

А) Так, прежние ученые считали фессалийских пенестов и спартанских илотов крепостными, признавая таким образом наличие в античном мире наряду с рабовладельческим способом производства также крепостнических отношений. Например, Шмидт ⁴⁾ указывает на то, что Энгельс говорил о «крепостных в Фессалии», о «крепостных илотах», а Б. Граков ⁵⁾, также ссылаясь на Энгельса, считает илотов и пенестов представителями особой формы общинного рабства. По-видимому, более права Шмидт, так как древние писатели не называли илотов и пенестов рабами и указывали на то, что они занимают среднее положение между свободными и рабами ⁶⁾.

Я. А. Ленцман ⁷⁾ пытается установить различие между терминами, обозначающими рабов, полемизируя с Вестерманом ⁸⁾, который якобы ставит между ними знак равенства. Едва ли кто-нибудь бу-

считает необходимыми для товарного производства: 1) деньги, 2) купцы, 3) развитая частная собственность, 4) рабский труд как господствующая форма производства); С. Ковалев. Проблема социальной революции в античном мире, ИГАИМК, 90, 1934, стр. 295—338.

3) Д. Кузовков. Об условиях, породивших различия в развитии рабства и его наивысшее развитие в античном мире, ВДИ, 1954, 1, стр. 108—119. Кузовков объясняет возникновение античной развитой формы рабства следующим образом: во-первых, еще до начала собственно античного (или классического) периода в развитии рабства античные народы по состоянию своих производительных сил созрели для возникновения развитого рабства. Народы, населявшие восточную часть Средиземного моря, а через них и народы западной его части, унаследовав или восприняв важнейшие достижения в области материальной культуры трех древнейших культурных очагов — Эгейского мира, Вавилонии и Египта — уже располагали условиями, обязательными для превращения рабства в господствующий способ производства; во-вторых, различие в уровне производительных сил у античных народов и окружавшей их более отсталой периферии порождало для античного рабовладельческого производства внешние источники рабства.

4) Р. Шмидт. Из истории Фессалии, ИГАИМК, 101, 1934, В. Гайдукевич. Веспорское царство, стр. 149; С. Сингалевич. Гелоты в древней Спарте. Из истории античного крепостничества, Труды Марийского Пединститута, т. VIII, 1950, стр. 131—137.

5) Скифский Геракл, КС, XXXIV, стр. 7 сл.

6) Pollux, III 83.

7) О древнейших терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, 2, стр. 47—69.

8) R. E. Suppl., B. VI, Sp. 894

дет возражать против того, что эти термины первоначально имели различное значение⁹⁾. Однако едва ли можно проводить вместе с Ленцманом резкую грань между *δοῦλοι* и *οἰκέται*¹⁰⁾ и предполагать одновременное существование в одной и той же местности двух категорий рабов — рабов патриархального типа (*οἰκέται*, *δοῦλοι*) и рабов античной формации (*ἀνδράποδα*)¹¹⁾.

Б) По мнению того же Ленцмана¹²⁾, слово *δοῦλος* по существу чуждо гомеровскому эпосу. Различие терминов для обозначения рабов в гомеровском эпосе и в греческом языке более позднего времени и противоречие между более древним эпосом, говорящим о довольно развитом рабовладении, и античными авторами, свидетельствующими об отсутствии рабовладения в ранний период развития древнегреческих племен, приводят Ленцмана к выводу, что уменьшение рабовладения должно было привести к выпадению соответствующих терминов из греческой речи первых веков первого тысячелетия до Р. Х.

Однако, с одной стороны, слово *δοῦλος* теперь обнаружено уже в документах микенского времени¹³⁾, и, с другой стороны, предположение Ленцмана, что гомеровские термины для обозначения рабов были чужды разговорной речи греков послегомеровского времени, неверно: см. в критском диалекте *Φοικεύς* (гом. *οἰκέυς*, того же корня, что *οἰκέτης*) и *μνοῖα* (того же корня, что и гомеровское *δμῶς*

9) По Ленцману, *οἰκέτης* — «домашний слуга» или «домашний раб», *δοῦλος* — «всякий несвободный человек», *ἀνδράποδον* — «пленный».

10) Например, в рассказе о событиях 427 г. на Коркире у Thuc. III, 73 — «и те и другие рассылали (людей) на поля, призывая дулов (*δοῦλους*) и обещая (им) свободу, и к народу пришло на помощь множество ойкетов (*οἰκετῶν*), а к (их) противникам с материка 800 союзников» — речь идет не о двух прослойках рабов — *δοῦλοι* и *οἰκέται*: уже тесная связь первого предложения со вторым, которое вводится союзом «и», говорит за то, что *δοῦλοι* первого предложения и *οἰκέται* второго — одни и те же лица. Вообще часто слово *οἰκέτης* является синонимом слова *δοῦλος*, см. Liddell-Scott-Jones, Greek-English Lexicon, стр. 1202, s. v. *οἰκέτης*.

11) Например, OGIS, 218 (Илион, конец III в. до Р. Х.), когда устанавливается награда рабу, который убьет тирана (v. 32 sq.), раб называется *δοῦλος*, когда же запрещается покупать рабов тиранов или лиц, занимавших магистратуры при тиранах (v. 52 sq., 106 sq.), рабы именуются *ἀνδράποδα*. Разумеется, постановление о награде за убийство тирана распространялось на всех рабов, и здесь одни и те же лица в одном контексте называются *δοῦλοι*, а в другом, когда они рассматриваются как товар, — *ἀνδράποδα*.

12) Об историческом месте гомеровского рабства, ВДИ, 1952, 2, стр. 38—59. О гомеровском рабстве также А. Тюменев, ИАИМК, 76, стр. 88 сл.

13) Victor Ehrenberg. Griechische Urkunden des zweiten Jahrtausends v. Chr., «Historische Zeitschrift», 1955, S. 3.

— «раб» с обычным в греческом языке переходом $\delta\mu$ в $\mu\nu$) — «рабское население»¹⁴⁾.

В) Л. Казаманова¹⁵⁾, пытаясь определить значение терминов, употреблявшихся на Крите для обозначения рабов, совсем не способствует разрешению вопроса, а, наоборот, запутывает его. Так, на стр. 33 она утверждает, что слово *Φοικεύς* в гортинском законодательстве применялось к определенной группе эксплуатируемых, живущих в деревне (см. Горт. Зак. IV, 35 «жилища..., в которых не живет *Φοικεύς*, обитая в деревне...»). Почему же не предположить, что в Горт. Зак. IV, 35 слово *Φοικεύς* (от *Φοῖκος* — «дом») употреблено в секундарном значении, раз сам автор на стр. 40 допускает существование войкеев, работавших в городском доме хозяина?

На стр. 40 автор, следуя Марксу, говорит о коллективном характере собственности на критских кларотов и афамиотов¹⁶⁾. Но тогда, как же быть со свидетельством Сосипатра у Афиней, IV, 84, что «общих рабов критяне называют *μνοία*, частных — афамиотами, а подчиненных (*τοῦς ὑπήκοους*) — периеками», и чем отличались клароты-афамиоты от мноитов?

На стр. 34 Казаманова утверждает, что зависимое население, подобное спартанским периекам, критяне называли особым термином — *οἱ ὑπήκοοι*, основываясь на выписанном выше высказывании Сосипатра у Афиней, который однако как раз свидетельствует о том, что критяне употребляли именно термин *περίοικοι*.

Г) А. Дмитриев¹⁷⁾ видит в *latrones*¹⁸⁾, против которых принимают меры римские законы, беглых рабов. Слово *latro*, по его мнению, заимствовано с греческого *λάτρις* — «наемный раб»¹⁹⁾. Понятия *latrocinium*²⁰⁾ и *latro*, по его мнению, были впервые введены в римское право консульским законом 77 г. до Р. Х. специально для борьбы с развившимся тогда движением беглых рабов и обезземеленных крестьян.

Толкование слова *latro* у Дмитриева нельзя не назвать фантастическим: а) корень слова *λάτρις* — *λατρ(ον)* «наемная плата» — говорит

14) *Ibid.* I, стр. 208 ff.

15) Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э., ВДИ, 1952, 3, стр. 26—45.

16) Термины *κλαρώται* и *αφαιμιώται* Казаманова также считает синонимами.

17) Движение *latrones* как особая форма классовой борьбы в Риме, ВДИ, 1951, 4, стр. 61—72.

18) Слово *latro* обыкновенно употребляется в значении «разбойник».

19) *Etym. Magn.*, 557, 37: *λάτρις* — являющийся рабом (или вообще «служащий». — А. К.) за плату»; 557, 40 *«λάτρις, что обозначает наемного раба (δοῦλον)»*.

20) Обыкновенно переводится как «разбой».

за то, что это слово имело значение вообще «наемник» и, если где-нибудь в греческом языке это слово было употреблено в значении «наемный раб», то это значение было секундарным; б) предположение, что слово *latro* является латинской формой греческого *λάτρις*, едва ли возможно: правда, по мнению М. Leumann'a, латинское *latro* заимствовано из нигде не засвидетельствованного греческого *λατρων*, но теперь ²¹⁾ считают гипотезу Leumann'a о заимствовании слова *latro* с греческого — неубедительной и бесполезной; в) первоначальное значение слова *latrones*, засвидетельствованное Энием и Плавтом, не «наемные рабы», а «наемные солдаты», из которого очень легко могло развиться значение «иррегулярные банды», «разбойники».

2) О терминах для обозначения рабов писали также: а) И. Толстой ²²⁾, защищающий обычно принимаемое значение слова *τρατός* в Гортинской надписи — «живой инвентарь» против Manu Leumann'a, который предполагает, что это слово обозначало на Крите рабов ²³⁾, и б) Н. Белова ²⁴⁾, рассматривающая употребляемые в надписях римской Галлии термины для обозначения рабов и вольноотпущенников — *servi*, *vernae*, *familia urbana*, *servi publici* («императорские рабы», рабы-гладиаторы), *liberti peregrini*, *conliberti*.

БЫЛО ЛИ РАБОВЛАДЕНИЕ ЕДИНСТВЕННЫМ СПОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ?

Советские ученые полагают, что рабовладение господствовало в античном мире повсюду.

1) Б. Граков, как мы видели выше, считает рабами также фессалийских пенестов и спартанских илотов, хотя античные авторы делают различие между пенестами и илотами, с одной стороны, и рабами, — с другой.

2) А. Ранович ²⁵⁾, полемизируя с М. И. Ростовцевым ²⁶⁾, С. W. Welles'ом и другими, пытается защитить тезис о том, что *λαοί* Ма-

²¹⁾ A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire etymologique de la langue latine³, Paris, 1951, p. 611 S.

²²⁾ К значению слова *τρατός* в Гортинской надписи, ВДИ, 1954, 2, стр. 148 сл.

²³⁾ Homerische Wörter, Basel, 1950, S. 282.

²⁴⁾ Данные эпиграфики о рабовладении в римской Галлии, ВДИ, 1954, 3, стр. 132—138.

²⁵⁾ Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, 2, стр. 28—39; Эллинизм и его историческая роль, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 147 сл.

²⁶⁾ Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, 1910 и др.

лой Азии в эпоху эллинизма были лично свободны, и объясняет видимую зависимость крестьян Малой Азии от царя следующим образом²⁷⁾:

«На Востоке масса крестьянского населения испокон века была связана, с одной стороны, отношениями к сельской общине, с другой — подчиненным положением по отношению к верховному собственнику земли — царю или богу (т. е. храму и его жрецам) . . . подавляющее большинство крестьян жило в селениях (*κῶμαι*), сохранивших более или менее ясно выраженные остатки общинной организации . . . Некогда высшее единство общинного коллектива воплощалось в царе или боге, и обязательства общины перед царем или храмом совпадали (в идее) с интересами общины. Со временем взносы натурой на общие нужды и участие общинников в общественных работах превратились в обязательную дань верховному собственнику земли и обязательную работу «на дом царя». Принадлежность к общине, дававшей каждому члену право владения землей и правовую защиту, также изменила свою сущность и превратилась в связанность земледельца, в его прикрепление к его *idia* (т. е. «к его земле», «к его наделу». — А. К.), которое гарантировало государству выполнение крестьянами своих повинностей. Зависимость крестьян, следовательно, была не феодальной, не было и феодальной земельной собственности; крестьяне владели землей по праву своей принадлежности к общине; от нее же получил право верховной собственности на землю и царь или бог . . .».

Рассмотрим тексты, на которых базируется Ростовцев, и возражения Рановича Ростовцеву.

А) Надпись Лаодики. В 253 г. царь Антиох II, разводясь с Лаодикой, продал ей крупное земельное владение. Сообщение об этом сохранилось в трех документах, начертанных на стене в храме Апполона Дидимейского²⁸⁾. RC Nг. 18 является обращением Антиоха к Метрофану, повидимому, стратегу:

«Царь Антиох Метрофану привет. Мы продали (*πεπραχάμεν*) Лаодике Паннукоме, замок (*βάρκις*) и примыкающую к селению (*κῶμη*) землю, граничащую с землей Зелеи и Кизика и со старой дорогой, которая проходила выше Паннукоме, но была распахана прежними земледельцами, чтобы отрезать этот участок

²⁷⁾ Эллинизм и его историческая роль, стр. 119 сл.

²⁸⁾ Последнее издание документов — С. В. Welles, *Royal Correspondence in Hellenistic Period, A Study of Greek Epigraphy*, New Haven, 1934, NN 18—20.

от себя — нынешняя Паннукоме возникла позднее, — хутора (τόποι), которые окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним (т. е. к Паннукоме и к хуторам) крестьян со всеми их домами, со всем принадлежащим [им] (v. 8 sq.: τῶς ἐπάρχοντας ἀπὸ τῶς λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ἐπάρχουσιν πᾶσιν) и с доходами пятьдесят девятого года²⁹⁾ за тридцать талантов серебра, равно как крестьян (λαοί), которые, будучи из этого селения, переселились в другие места (εἰς ἄλλους τόπους) с тем, что она (Лаодика) не будет ничего платить в царскую казну и будет вправе присоединить (эту землю) к полису, к какому пожелает; на тех же основаниях купившие или получившие [ее] от нее тоже будут неограниченно владеть [ею] и присоединят к полису, к какому пожелают, если только Лаодика не успела раньше присоединить [ее] к полису; в этом случае они будут владеть землей там, куда она присоединена Лаодикой» (далее о порядке расчета Лаодики с царем) . . . (v. 24 sq.). «Распорядились передать Арридею, эконому Лаодики, селение, замок, примыкающую [к ним] землю и крестьян (λαοὺς) со всеми их домами и всем принадлежащим им (πανοικίους σὺν τοῖς ἐπάρχουσιν ἀπὸ τῶς πᾶσιν) . . .».

№№ 19 и 20 представляют собой распоряжение архивариусу Тимоксену о регистрации сделки в царском архиве в Сардах, акт передачи селения, замка и земли гипархом эконому Лаодики Арридею и подробное описание участка.

Б) Надпись Мнесимаха³⁰⁾. Мнесимах, приближенный диадоха Антигона, получил от него большое имение; повидимому, для приведения его в порядок он занял у храма Артемиды 1325 золотых статеров. Теперь храм требует возврата этого долга, но у Мнесимаха денег нет. Он поэтому фиктивно продает (фактически закладывает) свое имение храму.

Столбец 1 «(v. 2)³¹⁾ так как неопеи³²⁾ (v. 3) требуют от меня данное Артемидой под заклад золота, а у меня неоткуда им отдать (v. 4), так вот что есть в моем имении (οἶκον): нижеследующие селения (κῆμαι), а именно селение Тобалмуры на сардской равнине на холме Ил. Принадлежат (v. 5) к этому селению и другие селения, а именно

²⁹⁾ Год 59 селевкидской эры — 254/3 г. до Р. X.

³⁰⁾ Последнее издание W. H. Buckler and D. M. Robinson, Sardis, v. VII, The Greek and Latin Inscriptions, Part I, Leyden 1932, pp. 11—32. Время надписи — после 200 г. до Р. X.

³¹⁾ Начало надписи не сохранилось.

³²⁾ Т. е. магистраты, заботящиеся о храмовых постройках и вообще о храмовом имуществе.

Танду и Комдилипия, форо́с этих селений (вносится) в хилиархию (v. 6) Питей . . . , пятьдесят золотых в год. Есть и клер в Кинарое вблизи Тобалмур (v. 7), форо́с — три золотых в год. Есть еще одно селение — Периасасостры у вод Морста, форо́с (v. 8) в хилиархию [Саг]ария, в год пятьдесят семь золотых. Есть и клер у вод Морста (v. 9) в Нагриое, форо́с в хилиархию [Саг]ария, сына Кораида, три золотых и четыре золотых обола. (v. 10) Есть еще селение в Аттудах, называемое Илукоме, форо́с в год — три золотых и три золотых обола. (v. 11) Итак, от всех селений, клеров и относящихся к ним усадебных участков, от крестьян со всеми их домами (v. 12) и с [их] имуществом (*τῶν λαῶν σὺν τοῖς ὑλάρχοισιν*), от винных мехов, от форо́са денежного и трудового (*τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ λητουργικοῦ*) (v. 13) и от всего прочего, получаемого от селений, и еще многого сверх того, когда произошел раздел, Питей и Адраст (v. 14) взяли в отдельную собственность виллу (*αὐλήν*) в Тобалмурах — за пределами виллы находятся (v. 15) дома крестьян (*λαοί*) и рабов и два сада на пятнадцать артаб посева — и в Периасасострах (v. 16) усадебные участки на три артабы посева и сады на три артабы посева. Рабы, живущие (v. 17) на этом месте в Тобалмурах: Эфес, сын Адраста, Кадой, сын Адраста, Гераклид, сын Белетра, (v. 18) *Τύιος*, сын Манея, сына Каика. Живущие в Периасасострах: Кадой, сын Армананда, Адраст, сын Манея» (как предполагает Д. М. Робинсон, в верхней отбитой части столбца II еще были имена).

В столбце II речь идет о гарантиях храму в том случае, если Мнесимах не обеспечит ему собственности на имение и поступления всех статей дохода, в частности (v. 2) «если бы кто-нибудь вчинил иск на что-нибудь из селений или клеров (v. 3) или на что-нибудь другое, указанное здесь»: (v. 4) «Если же мы не гарантируем или нарушим настоящий контракт (v. 5) относительно селений, клеров, хуторов (*χωρία*) и всех рабов, пусть они останутся собственностью Артемиды . . . (v. 12) Если же селения, клеры или что-нибудь другое из заложенного (v. 13 sq.) царь заберет у Артемиды из-за Мнесимаха, то основную сумму, полученную золотом под заклад . . . я, Мнесимах, и мои потомки немедленно отдадим храму Артемиды . . .».

В) Почетный декрет из Зелеи³³⁾: « . . . Клеарху, сыну Парменонта, который сделался благодетелем города, [дать] полклера [земли], покрытой густым лесом, клер на равнине, дом, сад, глиняный сосуд на 100 амфор, крестьянина с его домом (или — с его семьей: *λεὼν αὐτοῖσι* *οἷον*

³³⁾ Впервые издан Kohler'ом, *Athenische Mitteilungen*, IX, 1884, стр. 58. сл.; время декрета — после 333 г. до Р. X.

беспощинность от всех рыночных пошлин, право занимать первое место (*προεδρία*)...».

Повидимому, выписанные надписи говорят о праве владельца продать, заложить, подарить крестьян, обитавших на его земле, вместе с землею. Однако А. Ранович выступает против тезиса М. И. Ростовцева, С. W. Welles'a и других о существовании феодализма в древнем мире, в частности, в эллинистической Малой Азии, выдвигаая против этого тезиса следующие доводы:

А) В декрете из Зелее (см. выше В) Ранович, следуя Kohler'у, читает вместо *λεὼν αὐτοικον* — [*πολιτεῖαν καὶ ἀτέλειαν*] полагая, что по общему контексту надписи в целом требуется слово *πολιτεῖαν*, так как, по мнению Рановича, цель декрета — завербовать новых граждан путем дарования им политики.

Б) В надписи Лаодики (см. выше А) и в надписи Мнесимаха (см. Б), как думает Ранович, речь идет фактически не о продаже и закладе крестьян (*λαοί*), а о предоставлении новому владельцу навсегда или на время доходов с этих крестьян (*λαοί*), т. е. взносов деньгами и работой.

В) Поэтому в донесении гипарха о передаче эконому Лаодики проданного ей имения перечисляются селения, замок (*βᾶρις*), примыкающая земля, но не *λαοί* и их имущество так же, как в надписи Мнесимаха *λαοί* в качестве составной части имения не упоминаются, а в столбце II надписи, где речь идет о санкциях в случае нарушения Мнесимахом договора, названы только селения, клеры, хутора и рабы.

Г) И Антиох I при дарении земли Аристоклиду³⁴⁾, и Антиох II при продаже земли Лаодике предусматривают как само собой разумеющееся, что новые владельцы земли присоединят (*προσφέρουσθαι, προσορίζειν*) ее к территории одного из ближайших полисов, и только в виде особой привилегии предоставляют им право выбирать полис. Но присоединение царской земли к территории полисов влекло за собой, по мнению Welles'a³⁵⁾ и Рановича, радикальное изменение положения крестьян: часть земледельцев оставалась в своих селениях и была обязана платить городу *φόρος* за свою землю; поселившиеся в городе становились *πάροικοι* города, не были больше прикреплены к земле и даже имели надежду сделаться гражданами. Ранович (стр. 154) полагает, что «продажа крестьян Лаодике означает продажу не в большей степени, чем передача от одного властителя к другому».

Д) По мнению Рановича, крестьяне Мнесимаха платили *φόρος* через хилиарха в царскую казну, причем, судя по точному выражению

³⁴⁾ С. Welles, RC № 11, около 275 г. до Р. X.

³⁵⁾ Ibid., p. 96.

надписи «форос этих селений» (*φόρος τῶν κωμῶν*)³⁶⁾, форос вносили сами селения, продолжавшие оставаться в непосредственном подчинении царю. Надпись Мнесимаха I 12 упоминает, правда, о форосе денежном и трудовом, уплачиваемом, очевидно, Мнесимаху, и о натуральных повинностях (о винных мехах). Однако Ранович думает, что этот форос владельцу большого значения не имел: в том месте, где говорится о гарантиях Мнесимаха, денежный форос земледельцев не назван, и ни характер, ни объем его не известны.

Что касается трудового фороса (*φόρος λειτουργικός*), то, как предполагает Ранович, он означал работы «на дом царя», выполнение крестьянами их трудовых повинностей, какие возлагались на принадлежащую Мнесимаху землю, тем самым и на самого Мнесимаха.

Против соображений Рановича можно было бы сделать следующие возражения:

А) Слова *λεῶν αὐτοίκον* ясно читаются на декрете из Зелеи, и ученые, издававшие надпись после Kohler'a, не считали нужным прибегать к изменению текста надписи, не смущаясь тем, что слово *αὐτοίκος* встречается только здесь³⁷⁾. Fr. Bechtel³⁸⁾ в защиту мнения, что слово *λεῶς*—*λαός* употребляется не только в собирательном значении, но могло относиться и к одному лицу (слуге), приводит следующую заметку об этом слове: Stamer, Anecd. I 265 «Необходимо отметить, что оно обозначает не просто «чернь» (*ὄχλος*), но подчиненного, ибо Гекатей называет Геракла человеком (*λεῶν*) Евристея, хотя он один». Форму *λεῶς* (а не форму *λαός* или *λήος*) употреблял в ионийском диалекте также Геродот³⁹⁾.

При имени чествуемого Клеандра, сына Парменонта, отсутствует *ἔθνικόν*. Таким образом он, вероятно, был уроженцем Зелеи и ее гражданином и даровать ему гражданство было бы излишним⁴⁰⁾.

Б) Слово *λαός* — *λεῶς*, имевшее значение у Гекатея и в надписи из Зелеи «крепостной крестьянин», повидимому, и впоследствии иногда продолжало сохранять то же значение⁴¹⁾.

³⁶⁾ Столбец I, 5.

³⁷⁾ Соответствует, очевидно, обычному *αὐτῶ (τῶ) οἴκῳ*.

³⁸⁾ В комментарии к этой надписи SGDI 5533b см. также Fr. Bechtel, Die griechischen Dialekte III, Berlin, 1924, S. 313.

³⁹⁾ Chr. Favre. Thesaurus verborum, quae in titulis ionicis leguntur cum Herodoteo comparatus, Heidelbergae, 1914, p. 248.

⁴⁰⁾ В декретах из Зелеи той же серии SGDI 5533b дарует гражданство Турийцу, 5533c — Ересийцу. В надписи 5533d, в которой при имени чествуемого также отсутствует *ἔθνικόν*, слово [*πολιτεῖ*] *αἴν* является дополнением издателя, быть может, неверным.

⁴¹⁾ Впрочем, в Малой Азии слова *λαός* и *δῆμος* (буквально «народ»)

В надписях Лаодики и Мнесимаха речь идет не о передаче доходов с этих *λαοί* новому владельцу, как думает Ранович, а о действительной продаже крепостных. Сообразно этому они передаются новому владельцу со всем их хозяйством и со всем их имуществом ⁴²⁾.

Ранович вполне прав в том, что форо́с крепостных царю в Малой Азии развился из арендной платы за землю и *λαοί* первоначально крепостными не были ⁴³⁾.

Однако в III в. до Р. Х. этот форо́с рассматривался уже как подушная подать, которую крестьяне, прикрепленные к данной земле, должны были уплачивать царю или феодалу независимо от того, пользовались ли они землей или нет. Поэтому Лаодике продаются также *λαοί*, которые, будучи из селения Лаодики, переселились в другие места ⁴⁴⁾. С другой стороны, нам известно, что царские *λαοί* иногда проживали на земле феодалов ⁴⁵⁾ и, как кажется, платили форо́с царю.

В) Гипарх в своем донесении о передаче эконо́му Лаодики проданного ей селения и Мнесимах, говоря о селениях, имеют в виду прежде всего жителей этих селений, крестьян. Также и помещик при крепостном строе в России, говоря, что он владеет такой-то дерев-

первоначально обозначали простого свободного человека, противопоставлявшегося аристократу, ср., например, Гомер, Илиада II, 198, Мимнерм, fr. 14, 9 Bergk, который говорит об одном *λαός* из Колофона, искусном гоплите, см. v. Wilamowitz-Moellendorf, Sappho und Simonides. Untersuchungen über griechische Lyriker, Berlin, 1913, S. 277. В Египте словом *λαοί* обозначали все население за исключением жрецов, магистратов и воинов, см. папирусы, Polybius, IV, 52, 7, OGIS 90,12.

⁴²⁾ RC 18, v. 8 sq., v. 26 sq. и надпись Мнесимаха, I, v. 11 sq.

⁴³⁾ Поэтому *λαοί* (*γεωργοί* — «земледельцы») в Египте в III в. до Р. Х. были свободными съемщиками царской земли. Наиболее зажиточные из них постепенно превращались в землевладельцев, в «прочих землевладельцев» (*λοιποὶ γεωργοί*), обрабатывавших на каких-то особых условиях по нескольку участков земли. См. А. Павловская, Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в сер. III в. до н. э., ВДИ, 1953, 1, стр. 40—58.

⁴⁴⁾ В. Haussoullier, Milet et Didymeion, Paris, 1902, p. 105, предполагает, что эти *λαοί* подлежали возвращению в селение, которое они покинули. Однако речь скорее идет о получении Лаодикий оброка с этих крепостных.

⁴⁵⁾ См. следующие слова в корреспонденции царя Антигона, который хотел подарить земли в Петре Аристодикиду (как кажется, без крестьян: RC 11, v. v. 22—25): «Если царские *λαοί* из местности, где находится Петра, пожелают жить в Петре ради безопасности, я предписал Аристодикиду позволить им жить».

ней или продал такую-то деревню, разумел, главным образом, крепостных, жителей этой деревни.

В надписи Мнесимаха, когда говорится о том, какие части имения отошли к Питею и Адрасту, упоминается, между прочим, и о домах крестьян ⁴⁶⁾, и возможно, что живущие в Периасасострах Кадой, сын Армананда, и Адраст, сын Манея (в конце столбца 1) были крепостными, так как слово «рабы» перед их именами отсутствует, и отбитое начало столбца II также содержало имена крепостных.

Г) Едва ли можно думать, что положение всех *λαοί* земель, присоединенных к городам, так радикально изменилось ⁴⁷⁾. Правда, в эпоху эллинизма города в Малой Азии были главным оплотом власти царей среди туземного населения, и цари стремились всеми способами поддержать города, даря, давая на кормление, продавая городам и присоединяя к ним свои земли. И цари, и феодалы, присоединявшие к городам свои земли, без сомнения, делились с ними доходами с этих земель ⁴⁸⁾. Больше того, иногда бывшие царские земли переходили в собственность от феодалов к городам, к которым они были присоединены ⁴⁹⁾.

Однако, очевидно, и после присоединения своих земель с крепостными к городам владельцы сохраняли свои права на землю и крепостных и основную часть своих доходов с них, так как, например, если бы доходы Мнесимаха с земли и крепостных были такими неопределенными, как думает Ранович, то его закладная своих земель храму Артемиды теряла бы всякий смысл и, если бы присоединение земель к Вавилону, Борсиппе и Куту означало дарение этих земель

⁴⁶⁾ Ст. I 14 сл.

⁴⁷⁾ Ср. Г. Саркисян, О городской земле в Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1953, 1 стр. 59—73.

⁴⁸⁾ Быть может, прав Саркисян в том, что в плохо сохранившемся месте надписи из Миласы (Mylasa) о сдаче в аренду земли филы Оторкондеев (*Ὀτορχονδεΐς*), Le Bas, Voyage en Grèce et en Asie Mineure, III 1, 1870, p. 131, N 404, v. 8 sq., речь идет о внесении налогов (*εἰσφοραί*) с городских земель в царскую (*το βασιλικόν*) и в городскую (*το πολιτικόν*) казну. См. также в RC 13 совет стратега Геллеспонта Мелеагра илионцам, к которым Аристодикид присоединил свои земли, — приобрести расположение последнего, оказав ему различные почести.

⁴⁹⁾ Например, клинописные тексты свидетельствуют о том, что Антиох II подарил земли и ценности в Вавилонии Лаодике и ее сыновьям Селевку и Антиоху, которые присоединили все это к Вавилону, Борсиппе и Куту, а потом, в 236 г., когда вследствие военных событий земли, присоединенные к вавилонским городам, фактически лишились своих частных владельцев, подарил их «на вечные времена» Вавилону, Борсиппе и Куту — C. F. Lehmann, Zeitschrift der Assyriologie, VII, 1892, S. 330, 130—132.

городам, как думают некоторые ученые, то Антиоху II не нужно было бы впоследствии издавать специальный декрет о даровании их вавилонским городам.

Далее, повидимому, не все территории, принадлежавшие к городам, были на одном положении и не все жители городских территорий пользовались привилегиями, предоставлявшимися исконным жителям городов. Например, земли фригийцев, занимавших часть территории Зелее и плативших ей форо⁵⁰⁾, и так называемых «жителей равнины» (*πεδινεῖς*), подчиненных Приене населявших равнину Меандра варваров⁵¹⁾, без сомнения, были выделены из обычных городских земель: земли и имущество «жителей равнины» нельзя было приобретать в собственность, а земли фригийцев, хотя и принадлежали к общественным землям Зелее, однако, не подлежали возврату вместе с другими общественными землями, захваченными частными лицами.

Повидимому, земли феодалов, присоединенные к городам, были так же, как и земли фригийцев в Зелее и земли «жителей равнины» в Приене, на каком-то особом учете у городов. Едва ли можно думать, чтобы «жители равнины» в Приене, иногда даже ведшие войны с Приеною⁵²⁾, или фригийцы в Зелее, или *λαοί* в малоазиатских городах, которым, как мы видели выше, крепостнический уклад не был чужд, могли получать право периеков этих городов и имели надежду даже сделаться гражданами.

Свое утверждение, что крестьяне в селевкидской Малой Азии «имели свои организации и народные собрания, выносили декреты, или участвовали в вынесении декретов от имени полиса, к которому они тяготели»⁵³⁾, Ранович не может подтвердить литературными или эпиграфическими свидетельствами.

Д) Правда, крестьяне селений Мнесимаха платили форо непосредственно хилиарху. Однако в той же надписи Мнесимаха I 12 говорится и о форо владельцу. А *prigi* едва ли можно предполагать, чтобы один и тот же юридический термин употреблялся в одной и той же надписи в различных значениях. Далее в I 11 сл. «Итак из всех селений...» (*ἐκ πασῶν οὖν τῶν χωρῶν...*), очевидно, содержится краткое повторение перечисления имущества Мнесимаха и извлекаемых им из него доходов, о которых подробно говорилось выше. Если же это так, то слово *φόρος* в I 5, 7, 9, 10 опять-таки должно

50) SIG 3, 279, время — 334/3 г. до Р. X.

51) Ibid., 282, время — 333 г. до Р. X.

52) OGIS 11, 4, начало III в. до Р. X.

53) Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 155.

иметь то же значение, что и в I 12, т.е. подати, вносимой феодалу Повидимому, хилиарх передавал феодалу форос, уплачиваемый крепостными, так как феодал не имел особого штата служащих для собирания фороса и таким образом гарантировалось получение фороса также и с оброчных крестьян, живущих в других местах.

Слова *φόρος λήτουργικός* в данном контексте могут предполагать только какие-то работы крестьян, из которых выгоду извлекал сам Мнесимах, а не работы «на дом царя».

Также и в надписях Лаодики «царь продал Лаодике крестьян с доходами (*πρόσοδοι*) 59 (т. е., очевидно, текущего) года»⁵⁴). Таким образом доход с крестьян после продажи извлекала только Лаодика и ни в какой мере не царь.

Итак, крепостные феодалы платили форос только феодалу, и слово «форос» во всех местах надписи Мнесимаха соответствует слову «доходы» надписей Лаодики. Тезис Рановича, что крепостные платили подать и царю, и феодалу, основывается на смешении подушной подати, уплачиваемой крестьянами царю или феодалу, и налога на землю, вносимого свободными людьми. Повод к такому смешению дают Рановичу следующие слова в надписях Лаодики «с тем, что она (т. е. Лаодика) ничего не будет платить (*οὐδὲν ἀποτελεῖ*) в царскую казну»⁵⁵). Однако форос крепостных в надписи Мнесимаха уже потому нельзя отождествлять с налогом на землю, от которого освобождается Лаодика, что форос в надписи Мнесимаха вносят крестьяне, а налог на землю должна была бы платить сама Лаодика. Затем, для обозначения этого налога на землю с землевладельцев Антиох выбирает более мягкое и неопределенное выражение — *ἀποτελεῖν* (буквально «отчислять»), а не «платить форос».

Быть может, феодалы потому и присоединяли полученную ими от царя землю к городам, получившим свободу от налогов, что земля таким образом становилась городской и переставала быть подлежащей обложению царской землей⁵⁶). Поэтому феодалы и не мог-

⁵⁴) RC 18, v. 9 sq.

⁵⁵) RC, 18. v. 13. Ср. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 55; «От этого своего права (т. е., как показывает контекст, от права взимать форос с жителей царской земли. — А. К.) Антиох отказывается в пользу Лаодики. Мнесимах не получает от Антиоха этой привилегии. За полученную им в дар землю вносится, как мы видели, форос деньгами хилиарху, т. е. в царскую казну...».

⁵⁶) OGIS, 1, в которой Александр Македонский пишет: «Я освобождаю от подати (*σύνταξις*) Приену — город и крепость», но также: «Я решаю, чтобы местность, лежащая кругом, была моею и чтобы живущие в этих

ли присоединить полученную ими от царя землю к какому-нибудь городу без особого разрешения царя.

В общем я придерживаюсь следующего мнения о положении в эллинистической Малой Азии:

а) Можно согласиться с Рановичем в том, что *λαοί* в Малой Азии первоначально были свободными крестьянами, выплачивавшими царю за землю налог деньгами, продуктами и работой.

б) Но во второй половине IV и в III в. до Р. Х. цари стали рассматривать *λαοί* как своих крепостных и продавать и дарить их своим приближенным и, повидимому, также городам, отказываясь в их пользу от налогов деньгами, продуктами и работой с крестьян данной местности.

в) Крестьяне платили попрежнему денежный налог в царскую казну, но из царской казны налог с крепостных, принадлежавших какому-нибудь феодалу, поступал в распоряжение этого феодала.

г) Денежный налог с крепостных рассматривался уже как подушная подать, поэтому ее платили и крестьяне, происходившие из данной местности, но в ней не проживавшие и земель, как кажется, не пользовавшиеся.

д) Как кажется, имеется также свидетельство и о том, что *λαοί* со своими семьями иногда помогали своим господам при обработке земли и сада (декрет из Зелеи).

3) Как можно думать, феодализм в древности существовал также в Северном Причерноморье — на Боспоре и в Скифии. Правда, советские ученые, например, С. Жебелев, В. Гайдукевич, Б. Граков, А. Смирнов пытаются доказать, что хозяйство Боспора и Скифии также основывалось на рабовладельческом способе производства, но их доводы не выдерживают критики⁵⁷⁾.

селениях вносили форос»; как полагает Dittenberger, даже граждане Приены, живущие за чертой своего полиса, должны были платить форос.

Из надписи из Миласы, Le Bas, l. c., мы узнаем, что все, обрабатывавшие землю в Миласе, вносили налог, как кажется и в царскую, и в городскую казну — вероятно, Миласа не была освобождена от налога в царскую казну и присоединенная к ней земля, делившаяся между организациями (например, филами) и частными лицами, считалась царскою. Налог в царскую и городскую казну, вероятно, не был большим, так как арендаторы земель филы Оторкондеев обязуются помимо арендной платы вносить также налог в царскую и городскую казну.

⁵⁷⁾ А. Коцевалов. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании, Институт по изучению СССР, Мюнхен, 1955.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И ПРИОБРЕТЕНИЕ РАБОВ

1. Как известно, главным источником воспроизведения рабов в античности были войны и набеги пиратов на мирное население. По мнению А. Мишулина⁵⁸⁾, римляне с целью захвата рабов помимо войн предпринимали систематические набеги на чужестранные области — на Эфиопию, страны Малой Азии, Сирию, на страны Дуная.

2. Я. Ленцман⁵⁹⁾ преувеличивает значение торговли рабами в Греции, утверждая, что процветание острова Делоса, после разрушения Коринфа римлянами в 146 г. до Р. Х., основывалось исключительно на торговле рабами и что данных, которые позволяли бы считать хлебную торговлю Делоса в это время значительной, мы не имеем. Но, хотя Страбон⁶⁰⁾ и говорит о богатом рынке для сбыта рабов на Делосе, однако Ленцману, очевидно, не удалось доказать, что основным объектом делосской торговли были рабы. По моему мнению, о значительной торговле Делоса хлебом говорят надписи, и интерпретация этих надписей у Ленцмана неверна.

Ленцман полагает, что македонский ситон⁶¹⁾ Аристокл, сын Афиней, из Фессалоники, и гистийские ситоны могли заехать на Делос для того, чтобы занять в делосском храме денег, а судно с хлебным грузом, прибывшее в Делосский порт, могло остановиться здесь для отдыха, в непогоду или по каким-нибудь другим причинам. Однако контекст рассматриваемых надписей скорее говорит против предположения Ленцмана. В прескрипте декрета гистийцев 230—220 гг. до Р. Х. в честь Атенодора, сына Пейсагора, родосца, вероятно, банкира, проживавшего⁶²⁾ на Делосе, говорится, между прочим, что Атенодор «и охотно во всем содействовал ситонам, посланным городом на Делос, и внес (как залог) деньги раньше срока, и сделался виновником того, что они, весьма скоро закупив хлеб, уехали».

Из этих слов видно, что гистийские ситоны были посланы за хлебом именно на Делос, а не в какое-нибудь другое место, как думает Ленцман⁶³⁾, хлопотали о закупке хлеба на Делосе, где им со-

58) Спартак, Учпедиздат, Москва, 1950, стр. 28.

59) О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э., ВДИ, 1946, 2, стр. 89—96; Рынок рабов на Делосе, ВДИ, 1950, 1, стр. 53—65.

60) XIV 5, 2.

61) Ситон — магистрат, заведующий закупкой хлеба для государства.

62) Durrbach. Choix d'inscriptions de Délos, No. 50.

63) Ср. слова «ситонам, посланным городом на Делос».

действовал в этом деле проживавший на Делосе банкир-родосец, и, закупив хлеб, уехали в Гистайю с Делоса.

Аристобул из Фессалоники также, очевидно, закупал хлеб на Делосе⁶⁴⁾, как ситон македонского царя Деметрия II, и для этого проживал долгое время на Делосе: ср. слова в прескрипте декрета делосцев в честь Аристобула⁶⁵⁾: «Аристобул, сын Афинейя . . . , будучи послан царем Деметрием в качестве ситона, гостил довольно долгое время благопристойно и достойно святилища, царя и делосского народа . . . ».

Наконец, в фрагментарном декрете неизвестного города в честь делосца Мнесалка, сына Телесархида⁶⁶⁾, говорится, между прочим, о том, что Мнесалк во время голода дважды упросил кредиторов передать ему конфискованные делосцами за долги грузы хлеба, предназначавшиеся для города, и отсылал их городу. Эта надпись свидетельствует о регулярных торговых сношениях неизвестного города с Делосом: на Делосе проживали люди, обыкновенно дававшие городу деньги в кредит, к числу которых, вероятно, принадлежал и Мнесалк. Надпись говорит не об одном, а о двух грузах хлеба, отправленных городу с Делоса. Можно предполагать, что город закупал хлеб на Делосе и что два транспорта хлеба, конфискованные делосцами, были погружены на Делосе.

Если Делос вел в это время хлебную торговлю, то хлебный дар нумидийского царя Масиниссы Делосу⁶⁷⁾ не только имел политическое значение в качестве средства приобщения властелина Нумидии к эллинскому миру, как предполагает Ленцман⁶⁸⁾, но и свидетельствует об экономических связях между Нумидией и Делосом.

3. В. Гольденберг⁶⁹⁾ еще раз рассматривает вопрос о Северном Причерноморье как о рынке рабов. Следуя Н. Гракову⁷⁰⁾, Гольденберг приходит к оригинальным и интересным выводам. По его мнению, прежние ученые преувеличивали значение Северного Причерноморья как поставщика рабов для Греции. Полибий⁷¹⁾, правда, говорит, что «в отношении необходимых жизненных средств скот и

64) См. слова в конце выписанного пассажа: «они, весьма скоро закупив хлеб, уехали», где, конечно, подразумевается «с Делоса».

65) *Dugbacht. Op. cit.*, No. 48, 239—229 до P. X.

66) *BSN XXXI*, 1907, стр. 374—377.

67) *IG XI*, 4, 1115 *Inscriptiones insulae Deli*, No. 442.

68) *ВДИ*, 1948, 4, стр. 55—64.

69) Северное Причерноморье, как рынок рабов для Средиземноморского мира, *ВДИ*, 1953, 1, стр. 200—209.

70) Материалы по истории Скифии в греческих надписях, *ВДИ*, 1939, 3.

71) *IV 38*, 4.

множество отличнейших рабов доставляют нам местности Понта». Однако он, повидимому, понимает не Северное, а Западное Причерноморье, главным образом придунайские области ⁷²⁾, или восточное побережье ⁷³⁾. В манумиссиях Боспора отпускаемые рабы носят не местные, а греческие имена, в 5 боспорских надписях употребляется термин *θρεπτός* («вскормленный раб»). Таким образом эти освобожденные рабы были не купленными рабами и не обращенными в рабство пленными.

В надписях из Греции рабы с Северного Причерноморья упоминаются крайне редко до IV века до Р. Х. включительно, да и в эллинистическую эпоху вывоз рабов скифов, тавров и т. д. отстает по сравнению с поставкой на рабские рынки Греции рабов из Фракии, Малой Азии и Сирии. Упоминания о рабах Северного Причерноморья в Греции касаются главным образом скифских стрелков (полицейских) в Афинах и скифов-солдат, которые как рабочая сила не использовались.

Страбон ⁷⁴⁾, правда, говорит о рабском рынке в Танаисе, но эти рабы были главным образом иностранцами, и тот же автор ⁷⁵⁾ рассказывает, что правители Боспора иногда представляли стоянки пиратским кораблям, давали им возможность запастись продовольствием и содействовали продаже добычи, главным образом рабов (из Восточного Причерноморья).

4. О торговле рабами см. также Ранович (в Малой Азии ⁷⁶⁾), Н. Белова (в Галлии) ⁷⁷⁾. О происхождении рабов см. С. Соболевский ⁷⁸⁾.

5. О рабах-должниках писал О. Крюгер ^{78а)}.

⁷²⁾ Strabo, XI 2, 12.

⁷³⁾ Ibid, XI 2, 3.

⁷⁴⁾ Ibid, XI 2, 3.

⁷⁵⁾ Ibid, XI 2, 12.

⁷⁶⁾ Восточные провинции Римской империи в I—III вв., Москва — Ленинград, 1949, стр. 65.

⁷⁷⁾ ВДИ, 1954, 3, стр. 138.

⁷⁸⁾ По мнению проф. С. И. Соболевского, Рабы в комедиях Аристофана, как литературный тип, ВДИ, 1954, 4, стр. 9—40, под опасностью для жизни работников в Фессалии Аристофан, *Πλοῦτος* 518 sq., скорее разумеет отпор при ловле как фессалийских пенестов, так и людей из соседнего с Фессалией населения, чем возможную смертную казнь за незаконное превращение пенестов в рабов. Имена рабов у Аристофана показывают, что в его время Афинам доставляли рабов Фессалия, Фракия, Кария, Пафлагония, Фригия, Лидия, Сирия. Однако среди рабов у Аристофана нет ни одного Дава или Гета; может быть, в век Аристофана из соответствующих этим именам местностей (около устья Дуная) рабы еще

РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ И КРЕСТЬЯН ДО Ш В. Н. Э.

1. Доэллинистические восстания рабов ⁷⁹⁾

Советские историки в общем не идут дальше пересказа хорошо известных сообщений авторов о ранних восстаниях рабов — восстания рабов в Аргосе в 494 г. (Геродот), восстания в Селинунте около 488—486 гг. (Полиен), об основании рабами Эфеса (Малах у Афиняев) и других городов, восстания рабов в Сиракузах в 414 г. (Полиен) и пр. Крюгер ограничивает значение восстаний рабов в ранний период, отмечая, что классическая древность на всем своем протяжении не знала восстаний рабов промышленных предприятий, так как эти рабы были рассеяны по мастерским, что главные очаги восстаний бы-

не доставлялись в Афины. Возможно также, что рабы из этих мест, соседних с Фракией, тогда привозились в Афины под общим именем фракийцев.

В век Аристофана среди рабов были также или природные эллины (например, в *Πλοῦτος* грек Карион, проданный в рабство за долги), или варвары, родившиеся в Греции или привезенные в Грецию в раннем детстве (*οἰχογενεῖς, οἰκότριβες, οἰκογραφεῖς*). Именно такого рода рабы, говорящие чистейшим аттическим языком и не чуждые греческой образованности, и играют активные роли (роли говорящих лиц) в комедии Аристофана. Свою гипотезу о важном значении в древней аттической комедии рабов-варваров, воспитанных в Греции, С. И. Соболевский подтверждает следующими соображениями:

а) эти рабы были более культурными, более привязанными к дому и пользовались большим доверием господ, и сообразно этому слово *οἰκότριψ* нигде у авторов не указывает на хозяйственную непригодность раба;

б) вопреки мнению Büchschenschtütz'a и других, рабов, рожденных в домах господ, в Греции было не мало.

Некоторые издания, на которые ссылается Соболевский (например, W. Christ, *Geschichte der Griechischen Literatur*, 1898, теперь W. Christ, W. Schmid, O. Stähle, 1929), уже устарели.

Любопытно редакционное примечание к работе Соболевского. «Ввиду большого объема работы, по решению редколлегии, статья печатается со значительными сокращениями за счет филологических экскурсов и цитат из источников». Очевидно, несмотря на все громкие фразы коммунистов о процветании науки в СССР, филологу-классику негде печатать свои труды в СССР, раз исследование такого заслуженного ученого, как С. И. Соболевский, притом празднующего свой 90-летний юбилей, печатается со значительными сокращениями.

^{78а)} ИАИМК, 101, стр. 128.

⁷⁹⁾ В. Сергеев, *История древней Греции*, 2-е изд. под редакцией А. Машкина и А. Мишулина, Госполитиздат, 1948, стр. 356 сл.; О. Крюгер. Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху, ИГАИМК, 101, стр. 116—138.

ли в Лакедемонне, Спарте и Сиракузах, а не в Афинах и в договоре между Афинами и Спартой 464 г.⁸⁰⁾ говорится лишь об обязательстве Афин в случае восстания рабов помогать лакедемонянам, а аналогичное обязательство лакедемонян по отношению к афинянам отсутствует, так как в Афинах такие восстания были либо вообще редки, либо афиняне при подавлении их в посторонней помощи не нуждались, что движения более или менее крупного масштаба начались лишь в конце VI и в начале V в. до Р. Х., а открытые восстания лишь в конце V в., если не считать восстаний илотов.

Рассматривая надпись из Андании в Мессении⁸¹⁾ и другие эпиграфические и литературные свидетельства⁸²⁾, Крюгер дает интересное объяснение возникновению асиили (права убежища) некоторых храмов. По мнению Крюгера, для того, чтобы удержать раба от бегства за пределы государства и таким образом сохранить его для общины, ему предоставлялась возможность уйти в храм. Пока раб скрывался в убежище, решалась его судьба: если раб не принадлежал городу, где находился храм, жрец просто изгонял его из храма или передавал по принадлежности. Если раб происходил из данного города, то жрец мог по своему усмотрению или передать его господину, или продать другому лицу.

2. Восстания рабов II—I вв. до Р. Х.⁸³⁾

По многим вопросам, связанным с революциями рабов, советские ученые вели дискуссии. Особенно интересовали советских ученых следующие проблемы:

⁸⁰⁾ Thuc. I 101, 2.

⁸¹⁾ SIG³ 736, 81.

⁸²⁾ Например, Diodorus Sic., XI, 89.

⁸³⁾ О. Крюгер. Рабские восстания II—I вв. до н. э., как начальный этап революции рабов, ИГАИМК, 76, стр. 111—131; С. Жебелев и С. Ковалев. Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме, ИГАИМК, 101, 1934, стр. 139—198.

Первое восстание рабов в Сицилии: А. М а ш к и н. История древнего Рима, 1947, стр. 207 сл.; А. Д љ а к о в. К вопросу о начале первого восстания рабов в Сицилии, ВДИ, 1940, 3.

Второе восстание рабов в Сицилии: А. М а ш к и н. История древнего Рима, стр. 228 сл.

Спартак: А. М а ш к и н. История древнего Рима, стр. 260 сл.; А. М и ш у л и н. Восстание Спартака в древнем Риме (74—71 до н. э.), ИГАИМК, 76, 1934, стр. 132—162; Последний поход Спартака и его гибель, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 7—8; Спартаковское восстание, Москва, 1936 (дан перевод источников); К истории восстания Спар-

А) Кто являлся участниками революционных движений II—I вв. до Р. Х. ? Крюгер⁸⁴⁾ полагает, что в восстании Аристоника, быть может, больше, чем в первом сицилийском восстании, участвовали и свободные люди. Мишулин⁸⁵⁾ говорит о связях движения Аристоника с защитниками италийского крестьянства Тиберием Гракхом и Блоссием.

Мишулин принимает, что движение Спартака было основано на союзе между рабами и свободным крестьянством и что на юге Италии к Спартаку присоединилось мелкое крестьянство⁸⁶⁾. Однако Жебелев и Ковалев, с которыми, повидимому, согласен и Утченко⁸⁷⁾, полагают, что, хотя в армии Спартака и было некоторое количество свободных крестьян, однако в основном эта армия состояла из рабов и что вообще крестьянские и рабские движения вспыхивали и протекали изолированно.

Жебелев справедливо указывает на то, что в одном из текстов, приводимых Мишулиным в защиту своего мнения⁸⁸⁾, слово *θεράποντες* значит «рабы», а *σύγκλυδες* — «всякий сброд»⁸⁹⁾ и что в другом тексте⁹⁰⁾ *ἐλεύθεροι ἐκ τῶν ἀγρῶν* — по Мишулину, «свободные крестья-

така в древнем Риме, ВДИ, 1937, 1, стр. 133—142; Спартак. Научно-популярный очерк, Москва, Учпедгиз, 1950, С. Протасова. Античная традиция о спартаковском движении, УЗ МГУ, 143, 1950, стр. 27—42; А. Ратнер. К вопросу о причинах разногласий в армии Спартака, УЗ Карело-Финского университета, т. II, вып. 1, Исторические и филологические науки, 1949, стр. 51—61.

Лациум: И. Вейцковский, К истории восстания рабов в 198 г. до н. э. в Лациуме, УЗ Львовского Университета, Историческая секция, т. I, вып. 2, стр. 142—176.

Восстание Савмака на Боспоре: А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ИГАИМК, вып. 70, 1933, 2-е изд. — ВДИ, 1938, 3, по-французски, REG, XLIX, 1936, p. 17 s. В. Струве. Восстание Савмака, ВДИ, 1950, 3, стр. 23—40.

84) О. Крюгер. Указ. соч., стр. 121.

85) А. Мишулин. Спартак, стр. 50.

86) А. Мишулин. Восстание Спартака, 152; Спартак, 81.

87) См. предисловие Утченко к книге Мишулина «Спартак».

88) Appianus, Bellum civile, I 117, 5 (в переводе Мишулина), «ни один италийский город не примкнул к мятежникам: это были слуги из свободных (*θεράποντες*), перебежчики и попутчики (*σύγκλυδες*)».

89) Liddell-Scott-Jones, A Greek-English Lexicon, стр. 1665 сл. «*σύγκλυς, υδός*» from *σύνκλυζω*. — А. К.)... washed together by the waves; but only metaph... promiscuous crowd, mob, rabble...». Как кажется, *σύγκλυδες* в значении «попутчики» нигде не засвидетельствовано.

90) Appianus, Bellum civile, 116, 2 («Спартак» бежал на гору Везувий, где, принимая рабов и некоторых свободных людей с полей (*τινας ἐλεύθερους ἐκ τῶν ἀγρῶν*), grabbed окрестности».

яне с полей» — в действительности совсем к крестьянам не относятся⁹¹).

Повидимому, такое понимание слов *σύγκλυδες* и *ἐλεύθεροι ἐκ τῶν ἀγρῶν* у Аппиана подтверждают также следующие слова Ливия: «когда (у Спартака) собралось множество рабов и обитателей *ergastula*...»⁹²). Как кажется, слово *ergastula* у Ливия, противопоставляемое слову *servitia*, относится ко всякого рода бродягам, которых землевладельцы в эпоху гражданских войн хватали на дорогах, держали в своих деревенских карцерах (*ergastula*), предназначенных собственно для рабов, и заставляли работать. Августу и Тиберию стоило больших трудов очистить *ergastula* от свободных людей⁹³).

Наконец, Мишулин⁹⁴) в защиту своего мнения приводит еще одно место из Аппиана⁹⁵), но дает неправильную интерпретацию этого места: оно говорит совсем не о том, что Митридат знал «об отделиении почти всей Италии во главе со Спартаком», как думает Мишулин, но только о том, что, наряду с рабами Спартака, в Италии против римлян действовали и другие слои населения, ведшие войну с римлянами еще до начала движения Спартака.

Б) Какую цель имели восстания рабов? Мишулин и Жебелев полагают, что руководители восстаний рабов стремились, прежде всего, к ликвидации рабства, в частности программа Спартака состояла в отмене рабства и возвращении рабов на родину и в освобождении крестьян от кабалы и переделе земли.

Однако, по мнению О. Крюгера, а также и А. Машкина, участники восстаний рабов ставили себе целью вовсе не ликвидацию раб-

⁹¹) Слова, соответствующего слову «крестьян» перевода Мишулина, в греческом тексте нет. Греческое *ἀγρός*, латинское *ager*, обозначает не только «пахотное поле», но также «деревня» в противоположность городу (английск. *country*). Также, например, Светоний, *De vita Caesarum*, Augustus 32, говорит о *rapti per agros viatores*; см. ниже прим. 93.

⁹²) *Congregata servitiorum ergastulorumque multitudine*. Livius, *Periocha*, XCV.

⁹³) Cicero, *Pro Cluentio*; Suetonius, Augustus 32: «...и схваченные но полям путники — и свободные, и рабы без различия — задерживались в *ergastula* землевладельцев. Он (Август) осмотрел *ergastula*...»; Tiberius 8: «[Тиберий] позаботился... об очищении *ergastula* по всей Италии, владельцы которых стали ненавистными, как будто бы они задерживали не только путников, но и [тех], которых страх военной службы загнал в такого рода тайные убежища».

⁹⁴) ВДИ, 1937, 1, стр. 139.

⁹⁵) App., *Mithr.* 109, 15, 2 «(Митридат) знал, что теперь также почти вся Италия из ненависти (к ним) отложились от римлян, уже весьма давно вела с ними войну (*πεπολεμηκίαν*) и соединились против них с Спартаком гладиатором... (*Σπαρτόκω τε μονομάχῳ συστάσαν ἐπ' αὐτοῦς*)».

ства⁹⁶⁾, но только смягчение его и обещали свободу только тем рабам, которые к ним присоединятся. Поэтому, когда рабы во время второго сицилийского восстания осаждали город Морганцию, они пригласили всех рабов покинуть этот город, обещая им за это свободу. Такое обещание было бы нелепым, если бы рабство вообще ликвидировалось.

Можно думать, что около 128 г. до Р. Х. рабы, захватив город Энну в Сицилии и вырезав все население за исключением оружейников, которые были отправлены в оковах на работу, превратили их в рабов, как принимает Крюгер⁹⁷⁾, а не просто отвели их на принудительные работы, как полагает Жебелев: ср. сообщение Афиней⁹⁸⁾ о том, что Митридат, заняв Хиос, освободил рабов, а свободных сделал рабами и передал их бывшим рабам в собственность. Рассказ Дионисия Галикарнасского⁹⁹⁾ о социальном перевороте в Кумах и превращении рабов в господ, которые заставляли сыновей убитых аристократов жить в деревне и вести образ жизни рабов¹⁰⁰⁾, для более позднего времени свидетельство Оптата — «рабы и господа менялись местами»¹⁰¹⁾ и т. д.

В) Чем объясняются разногласия в армии Спартака? Mommsen, Крюгер, Жебелев, Ковалев объясняют их племенной враждой, а именно разногласиями между галлами и германцами Крикса, Каста, и Ганника и Спартаком и его приверженцами.

Другого мнения придерживается Мишулин: задачи двух групп, входивших в армию Спартака, т. е. рабов и свободных крестьян (группа Крикса и Ганника) — уничтожение рабства и возвращение рабов на родину, с одной стороны, и аграрная революция в Италии, с другой, — не могли быть объединены общим руководством, и это предредило неудачный исход всего движения. Рабы, которые играли роль гегемона в революциях того времени, не сумели повести за собой свободное крестьянство, а последнее еще не понимало, что разрешение всех вопросов крестьянской революции неотделимо от задачи ликвидации рабовладельческой системы хозяйства в целом.

Особая программа крестьян проявлялась в отходе от Спартака части войска под предводительством Ганника и Каста, которая не

⁹⁶⁾ В. Недельский. О характере возникновения христианства, Воинствующий атеизм, 1931, 2—3, полагает, что победа рабов не повлекла бы за собой отмены рабства.

⁹⁷⁾ О. Крюгер. Указ. соч., стр. 119.

⁹⁸⁾ VI, 266e.

⁹⁹⁾ VII, 7—11.

¹⁰⁰⁾ Е. Миллиор. Античная традиция о тирании Аристодема Кумского, ВДИ, 1953, 3, стр. 208—212.

¹⁰¹⁾ De schism. Don, III 4, 1.

разделяла, как думает Мишулин, плана Спартака относительно похода на Брундизий и переправы из Брундизия в Грецию, и в том факте, что отряд Крикса, несмотря на выступления Спартака против грабежей, все время продолжал грабить население, думая «через нападение и систематические набеги вернуть точно таким же образом похищенную у них собственность»¹⁰²⁾.

Ратнер также единственной причиной споров в армии Спартака считает разногласие в стратегическом плане.

Едва ли можно принять гипотезу Мишулина. Прежде всего, как мы видели выше, крестьян в армии Спартака было не так много. Затем Саллюстий¹⁰³⁾ свидетельствует о том, что Крикс предводительствовал галлами и германцами и что национальная рознь в войске Спартака была налицо еще в начале войны. Ливий¹⁰⁴⁾, Орозий¹⁰⁵⁾, Плутарх¹⁰⁶⁾, Аппиан¹⁰⁷⁾, Фронтин¹⁰⁸⁾ называют часть рабов во главе с Кастом и Ганником, отделившуюся от Спартака и развитую Красом, галло-германцами.

Повидимому, ничто не противоречит свидетельствам древних авторов об оппозиции галло-германцев в армии Спартака. Недоумение Мишулина¹⁰⁹⁾ относительно того, почему галло-германцы Крикса остались на юге Италии, в то время как у них должно было бы быть больше тяготения именно к северу, куда направлялся Спартак, вполне удовлетворительно разрешается следующей цитатой из Плутарха¹¹⁰⁾: «Рабы, будучи сильны своей численностью и возгордившись своими успехами, не слушали Спартака и, двигаясь по Италии, занимались ее опустошением». Отряд Крикса, опьяненный победами и деморализованный, хотел остаться в Италии для продолжения грабежей¹¹¹⁾.

Мишулин¹¹²⁾ делает также следующее возражение ученым, защищающим тезис о национальной вражде в армии Спартака: из вождей оппозиции только Ганник носил галльское имя; Крикс носил оскское, Каст — типичное италийское имя. Однако эти клички Крикс и Каст могли получить от своих италийских хозяев взамен своих

102) ИГАИМК, 76, 1934, стр. 160.

103) fr. 67.

104) Per. XCVII.

105) V 24, 1—8.

106) Crassus, 11.

107) Bellum civile, 1 118.

108) II 7, 4.

109) ИГАИМК, 76, 1934, стр. 157.

110) Plut., Crassus.

111) Ср. Жебелев и Ковалев.

112) ВДИ, 1937, 1, стр. 139.

старых галльских или германских имен. Обычай переименования рабов был весьма распространен в античном мире. Таким же образом и Эномай (*Οἰνόμαος*), по Мишулину кельт или германец ¹¹³⁾, носил чисто греческое имя.

В заключение отметим также А) работы советских ученых в области хронологии отдельных восстаний, в которых они стремятся доказать, что отдельные восстания продолжались дальше и, таким образом, имели больший масштаб, чем обыкновенно думают, и Б) некоторые соображения Мишулина, относящиеся к биографии Спартака и в значительной степени имеющие своей целью приукрасить его личность.

А) Дьяконов датирует начало первого сицилийского восстания не 136, а 138 годом до Р. Х., а Мишулин ¹¹⁴⁾, следуя Schambach'у, относит начало восстания Спартака не к 73, как принято в науке, а к 74 г. до Р. Х. Не все доводы Мишулина в защиту своего мнения о том, что война со Спартаком продолжалась полных три года, можно назвать удачными ¹¹⁵⁾.

Б) Мишулин сопоставляет имя Спартака с этническим именем *σπαρτοί* («посеянные») — так назывались великаны, выросшие из посеянных Кадмом зубов дракона — и принимает тезис Моммзена, что Спартак происходил из рода боспорских царей Спартокидов. Разногласие между Флором ¹¹⁶⁾ и Аппианом ¹¹⁷⁾ Мишулин пытается примирить гипотезой, что Спартак был наемником не у римлян, а у Митридата. Однако едва ли можно одобрить этимологию имени Спартака у Мишулина, так как а) *σπαρτός* — «посеянный» — чисто греческое слово и спартами назывались предки греческого племени фиванцев, а не обитатели какой-нибудь части Фракии и б) этимология Мишулина предполагает гибридный характер имени Спартак — греческий корень + какой-то варварский (фракийский?) суффикс. Вообще Мишулин и Утченко ¹¹⁸⁾ неоднократно называют Спартака и повстанцев его отряда эллинами в противоположность галлам и германцам Крикса и Ганника, между тем как фракийцы не более родственны грекам, чем, например, германцы.

113) ИГАИМК, 76, 1934.

114) Там же, ВДИ, 1937, 1.

115) Например, Eutropius, VI 7 tertio anno bello huic finis impositus» эта война (т. е. война со Спартаком. — А. К.) закончилась в третьем году», а не «эта война закончилась на исходе третьего года», как переводит Мишулин, ВДИ, 1937, 1, стр. 141.

116) VII 20, 8—10 «Спартак был солдатом из фракийских наемников, но потом дезертировал».

117) Hist. Rom., I 116, 10—15 «Спартак воевал с римлянами, но потом попал в плен».

118) Например, в предисловии к книге Мишулина «Спартак».

Едва ли можно думать, что между Спартак и боспорскими спартокидами могло быть какое-нибудь родство уже потому, что имена Спартак и Спарток имеют различную фонетическую форму и, вероятно, употреблялись в разных диалектах фракийского языка ¹¹⁹⁾.

Наконец, если Спартак некоторое время служил наемником у заклятого врага римлян Митридата, но потом дезертировал из его войска, непонятно, почему римляне так жестоко с ним расправились, продав его в рабство и сделав гладиатором.

По мнению советских ученых, восстания рабов определили весь ход истории Рима I в. до Р. Х. Мишулин ¹²⁰⁾ говорит о связи с рабами пиратов, с которыми в 67 г. до Р. Х. воевал Помпей. Крюгер ¹²¹⁾, основываясь на Моп. Анс. Августа, полагает, что война Октавиана с Секстом Помпеем сводилась к войне с рабами и что рабы заставили Рим перейти к новой организации империи.

2) Жебелев, Струве и другие советские ученые полагают, что восставшие на Боспоре в конце II в. до Р. Х. скифы были рабами, произвольно толкуя декрет херсонеситов в честь Диофанта ¹²²⁾.

3. Восстания рабов и крестьян после Р. Х.

Советские ученые во всякого рода беспорядках, будь то религиозные движения, или волнения, вызванные вторжением варваров, или, наконец, просто грабежи разбойников, видят революции угнетаемых классов — рабов или крестьян.

Буколы. А. Дмитриев ¹²³⁾ выступает против Mommsen'a, по которому буколы в Египте были просто разбойниками, и видит в буколах крестьян, бросивших свою землю и ставших бродягами, которые промышляли разбоем; убежищем для буколов служила окруженная болотами и заросшая тростниками местность к востоку от Александрии возле Гераклеийского рукава, издавна носившая название Буколия ¹²⁴⁾. Нам известно о беглых крестьянах

¹¹⁹⁾ Известны еще другие варианты этого имени: Спартак, Спардак (у фракийского племени одрисов).

¹²⁰⁾ Спартак, стр. 109 сл.

¹²¹⁾ Крюгер, ук. соч., стр. 128.

¹²²⁾ Ios PE, I² 352; А. Коцевалов. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании. Изд. Института по изучению СССР, Мюнхен, 1955.

¹²³⁾ Из истории аграрного движения в римском Египте, ВДИ, 1946, 4, стр. 92—100.

¹²⁴⁾ Herodotus, II 17. Heliodorus, *Αἰθιοπικά*, первые главы первой

(οὐ ἀναγεχωρηκότες) в римском Египте, с одной стороны, и о буколах с другой. Однако никаких оснований предполагать, что буколы вербовались как раз из беглых крестьян, мы не имеем. Дмитриев полагает, что намек на связь беглых крестьян с буколами содержится в эдикте Семпрония Либерала об амнистии, изданном Либералом после грандиозного восстания 154 г., когда был убит римский префект¹²⁵). Однако Дмитриев следует здесь устаревшей концепции Р. М. Meyer'a¹²⁶), который считал, что декрет об амнистии ВГУ II 372, 154 года после Р. X. был следствием засвидетельствованного Малалой восстания. Между тем соответствующая фраза у Малалы — «(Антонин Пий) предпринял поход на египтян, проявивших своеволие и убивших префекта Августа Динарха» — вызывает сомнение в современной науке¹²⁷) и, например, Schehl предполагает, что в этом месте Малала смешивает Пия с Каракаллоу и относит указанное сообщение Малалы к Каракалле, который побывал в 215 году в Александрии и с кровавой жестокостью подавил там восстание¹²⁸).

книги, особенно: 1, 5, 2 — «Все место называется египтянами Буколия»; 1, 5, 3 — «В ней, право, живут вместе все разбойники Египта»; 1, 6, 1 — «И букол и рождается где-нибудь на озере, и имеет его кормилицю, и считает озеро родиной. Оно может служить разбойникам и мощной крепостью. Поэтому и стекаются к нему такого рода люди, все пользуясь водою так же, как стеной, и выставив вперед обильный болотный тростник вместо частокола». Achill. Tat. III 9, 2. Dio Cassius LXXI, 4.

¹²⁵) Malalas XI, p. 280.

¹²⁶) Klio, VII, 1907, стр. 124 сл.

¹²⁷) В 153—4 г. префектом Египта был не Динарх, а или Л. Минуций Феликс, или Семпроний Либерал, император Антонин Пий едва ли когда-нибудь побывал на Востоке и т. д. Ср. F. Schehl, Hermes, 65, 1930, стр. 197 сл. A. Schenk Graf von Stauffenberg, Die römische Kaisergeschichte bei Malalas, Stuttgart, 1931, S. 308 ff.

¹²⁸) Также 152—4 годами датирует восстание в Египте, стоившее жизни префекту, и А. Ранович, Восточные провинции, стр. 208. Правда, в защиту этой датировки восстания Ранович приводит также SHA, De vita Antonini Pii V, 5: «(Антонин Пий) подавил восстание также в Ахее и в Египте». Однако Schehl, op. cit., стр. 196, сл., повидимому, со всей очевидностью установил, что Антонин Пий лично не участвовал в подавлении восстания в Египте: против этого говорит контекст (ср. V, 4 nam et Britanos per Lollium Urbicum vicit legatum... et Dacos et multas gentes atque Jud[ae]os rebellantes contudit per praesides ac legatos), а затем SHA, Ant. Pius, VII, 11 «и (Антонин Пий) не совершал никаких экспедиций, кроме путешествий в свои поместья и в Кампанию...»; о том же свидетельствует также Марк Аврелий: «К самому себе», I 16, 22. Таким образом ни Schehl'a, ни Stauffenberg'a Дмитриев и Ранович не читали. Можно сказать, что работы Рановича и особенно Дмитриева устарели, не успев выйти в свет

По мнению современных ученых, «затруднения» (*δυσχέρεια*) в эдикте Семпрония относятся к вызванному неурожаем предшествующего года увеличению податей и повинностей, следствием которых было бегство крестьян. Эдикт предлагает беглецам вернуться, чтобы собрать очень хороший урожай текущего года.

АГОНИСТИКИ И ЦИРКУМЦЕЛЛИОНЫ ¹²⁹

Полемизируя с Дмитриевым, отделяющим агонистиков от циркумцеллионов и считающим циркумцеллионов бродячими монахами, Машкин полагает, что а) агонистики и циркумцеллионы — одно и то же и термин «агонистики» — «борцы» (от греческого *ἀγών* — «борьба», «подвиг») — вполне соответствует тактике и методам социальной борьбы; б) циркумцеллионы, вероятно, представляли собой низшие слои свободного аграрного населения; в) рабы были главными участниками движения, и колонны выступали в качестве их союзников.

Штаерман ¹³⁰ в последнем пункте не соглашается с Машкиным и отводит главную роль в движении колоннам.

По моему мнению, Машкин вполне прав в том, что агонистики и циркумцеллионы — одно и то же ¹³¹. Однако другие его тезисы вызывают сомнение:

А) Движение агонистиков имело чисто религиозный характер, и перевод этого слова у Дмитриева — «подвижники» — вполне правилен ¹³².

¹²⁹ А. Машкин. Движение агонистиков (из истории римской Африки), Историк-марксист, 1935, № 1; Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, 1, стр. 82—92; К вопросу о революционном движении рабов и колоннов в римской Африке, ВДИ, 1949, 4, стр. 51—61; А. Дмитриев. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах, ВДИ, 1948, 3, стр. 66—78; Н. Штаерман. Африканские восстания III в., ВДИ, 1950, 1, стр. 66—80; Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, 2, стр. 52—79.

¹³⁰ ВДИ, 1953, 2.

¹³¹ *Augustinus*, *Enarratio in psalmo CXXXII*, 6 говорит о повстанцах: «Может быть, они скажут: «Наши не называются циркумцеллионами: вы их так называете позорным именем». Пусть они скажут, как они их называют, а вы послушайте. Они называют их агонистиками».

¹³² Там же: «Пусть покажут, где написано имя агонистиков. Так их, они говорят, мы называем по причине борьбы. Ибо они борются, и говорит Апостол: «Я боролся прекрасною борьбою» (II, Тим., IV, 7). Так как они являются теми, кто борется против дьявола и преобладает, они называются воинами Христа, агонистиками».

Б) Связывать циркумцеллионов с земледелием и видеть в них вместе с Saumagne'ем¹³³⁾ сельскохозяйственных рабочих или вместе с Машкиным низшие слои свободного аграрного населения едва ли возможно. Доводы Saumagne'я в защиту его мнения слабы и фактически сводятся к тому, что, согласно эдикту императора Феодосия о единении¹³⁴⁾, во главе циркумцеллионов стоят подрядчики¹³⁵⁾, а Машкин свое толкование никакими эпиграфическими или литературными свидетельствами подтвердить не может.

Против предположения, что циркумцеллионы в эпоху донатистского раскола занимались земледелием, свидетельствует бл. Августин¹³⁶⁾.

Мне представляется, что едва ли циркумцеллионы занимались земледелием или какими-нибудь ремеслами. Это были странники, проповедывавшие по селам борьбу с дьяволом, а в эпоху донатистов пропагандировавшие догматы донатистов (например, догмат бедной церкви) и добывавшие себе пропитание нищенством¹³⁷⁾.

Машкин, конечно, вполне прав в том, что монахами циркумцеллионы не были. Однако циркумцеллионы выполняли у донатистов те же функции, что и монахи у католиков. Поэтому у Августина монахи противопоставляются циркумцеллионам¹³⁸⁾.

133) Ouvriers agricoles ou rôdeurs de celliers? Les circumcellions d'Afrique, Annales d'histoire économique et sociale, 1934, t. 6, pp. 351—364.

134) Cod. Theod., XVI, 52.

135) Conductores sub quibus commanent (circumcelliones).

136) Ср. Augustinus, Contra Gaudentium, XXXVIII, 32 в конце, где он характеризует «этот род людей» (т. е. циркумцеллионов), как «больше всего пугающий в полях, держащийся вдали от полей», и особенно XXVIII, p. 231, l. 23 sq. Petschenig, где Августин говорит о циркумцеллионах времени после победы католиков над донатистами (около 420 г. по Р. Х.): «... те, которые погибают, никак не равняются по числу тем, которые из этого рода теперь придерживаются порядка дисциплины и ревностно занимаются обработкой полей, утратив и имя, и занятие циркумцеллионов», предполагая, очевидно, что в эпоху донатистского раскола циркумцеллионы обработкой земли не занимались. Как показывает контекст всего пассажа, здесь Августин под «занятием циркумцеллионов» понимает стремление циркумцеллионов к самосожжению (добровольному мученичеству). Машкин, «Движение агонистиков», стр. 36, ища повсюду указаний на классовую борьбу, на классы-антагонисты, думает, что в приведенном месте Августина речь идет о рабах, посаженных на землю, — толкование, совершенно не соответствующее контексту Августина.

137) Contra Gaudentium, XXVIII, 32, p. 231. Petschenig: «ибо кто не знает этого рода людей..., держащегося вдали от полей и ради своего пропитания ходящего кругом сельских клетей (cellas circumiens rusticanas), откуда он и получил имя «циркумцеллионы», и Enarratio in psalmo CXXXII.

Циркумцеллионам, которые называются также *circelliones*, *circelliones*, *circuitores*¹³⁹⁾, в позднейших источниках соответствуют *κικλάριοι* — «лжепустынники»¹⁴⁰⁾, лжемонахи, напрасно «бегающие кругом»¹⁴¹⁾. Глоссатор XI в. Папий объясняет слово циркумцеллионы следующим образом: «циркумцеллионами называются те, которые блуждают кругом клеток (*circum cellas*), так как они обыкновенно ходят туда и сюда, нигде не имея постоянного жительства».

За такое значение термина *circumcelliones* говорят все известные нам источники, и предполагать, следуя Машкину¹⁴²⁾, что у Папия слово «циркумцеллионы» имеет иное значение, чем у Августина, мы не имеем никакого основания, так как глоссатор, очевидно, просто перефразирует Августина¹⁴³⁾.

Эдикт Феодосия о единении, в котором циркумцеллионы упоминаются как особый класс свободных людей наряду с *inlustres*, *spectabiles*, *senatores* и т. д., как будто не противоречит моему толкованию термина «циркумцеллионы»: этот эдикт угрожает циркумцеллиону, не присоединившемуся к католичеству, гораздо меньшим штрафом, чем представителям других сословий, и помещает их после свободных людей других сословий непосредственно перед рабами и колоннами или, как говорит Favre, *inter infimae sortis homines inter Donatistas*: циркумцеллионы могли получить некоторые права во время борьбы христианства с язычеством, когда они оказали услуги церкви и государству¹⁴⁴⁾.

138) Enarratio in psalmo CXXXII, 6: «Во-первых, посмотрите, нужно ли сравнивать (агонистиков с монахами). Сравняются пьяные с трезвыми.., беснующиеся с соединенными (*cum congregatis*).

139) Здесь мы пользуемся данными, собранными L. Favre'ом в Du-Cange-Henschel-Favre, *Glossarium mediae et infimae Latinitatis*, t. 2, 1937, p. 341 sq., s. v. *circumcelliones*; p. 337, s. v. *circellio*; p. 339, s. v. *circuitores*. Favre придерживается приблизительно такого же мнения, что и мы, считая, повидимому, циркумцеллионов лжемонахами. Дмитреву и Машкину было известно только старое издание словаря Du Cange'a, 1842 г.

140) Concil. Toled., VII, cap. 5. Очевидно, греческому термину *κικλάριοι* соответствует латинский термин *circumcelliones-circelliones*.

141) *Synodica Orientalium ad Theophilum Imp.*

142) ВДИ, 1949, 4, стр. 53.

143) Enarr. in psalmo CXXXII.

144) Augustinus, *Contra Gaudentium*, XXVIII, 32, p. 230—231. Petschenig говорит, что циркумцеллионы и до раскола донатистов стремились к мученичеству: «ибо [это] род тех людей..., которые обыкновенно делали это и раньше, особенно, когда необузданность идолопоклонства повсюду свирепствовала, когда те бросались на оружие язычников, управлявших свои празднества.... Совершенно необоснованно утверждение Машкина, «Движение агонистиков», стр. 37, что эти язычники были землевладельцами.

Вдохновителями рассматриваемого движения были агонистики-циркумцеллионы, которых даже Машкин считает людьми свободными. Роль крестьян и рабов случайна. Машкин цитирует одно из писем Августина¹⁴⁵⁾, который сообщает, что иподиакон Прим увел двух девиц, принадлежавших к званию колонов. Этих девиц во второй раз крестили (по обычаю донатистской церкви), и «ныне они бродят со стадами циркумцеллионов среди стад блуждающих женщин». Но побудили этих девиц из класса колонов уйти к циркумцеллионам религиозные убеждения. Их же потом еще раз крестили. Циркумцеллионы поднимали колонов и рабов против их господ, вероятно, приверженцев католической церкви¹⁴⁶⁾.

Однако движение агонистиков-циркумцеллионов едва ли имело глубокие социальные корни: у Августина агонистики-циркумцеллионы противопоставляются рабам и колонам; участие подневольного населения было чисто пассивным (ср. в выписанном пассаже Августина *passivum alienentur*); не даром Августин называет агонистиков «их покровителями и вождями и в самом преступлении зачинщиками»¹⁴⁷⁾.

Мне представляется, что движение агонистиков-циркумцеллионов носило чисто религиозный характер и что считать его социальной революцией рабов при участии колонов (Машкин) или колонов при участии рабов (Штаерман) у нас нет никаких оснований,

Дискуссия между Машкиным и Штаерман весьма показательна для суждения о трудах советских ученых, основанных часто не столько на внимательном изучении материала, сколько на априорных схемах исторического материализма в произвольной интерпретации советских ученых. Машкин классами-антагонистами для того времени считает рабовладельцев и рабов и поэтому ведущую роль в движении агонистиков отводит рабам. Штаерман полагает, что в III веке происходила борьба между старыми и новыми формами хозяйства и

145) Ep. 35, 2.

146) Ср. Augustinus, Ep. 108, 6, 18: «Избегают единения, так что поднимается дерзость крестьян на своих владельцев и беглые рабы, вопреки апостольскому учению, не только отчуждаются (*alienentur*) от господ, но и угрожают господам, не только угрожают, но и... грабят, причем [их] покровителями и вождями и в самом преступлении зачинщиками являются агонистики, ваши мученики».

147) В других местах Августин, говоря о гонениях циркумцеллионов на католиков, совсем не упоминает о рабах или колонах: см., например, *Contra partem Donati post gesta*, XVI, 22: «ибо сколь великие несчастья содеяли нашим неистовейшие клирики и циркумцеллионы партии Доната, знаете и вы: сожжены церкви, брошены в пламя священные книги, сожжены также частные дома...»; *Contra litteras Petiliani*, l. II, LXXXIII, 183.

что с IV в. нельзя уже говорить о рабовладельческом способе производства ¹⁴⁸⁾. Поэтому гегемоном восстания агонистиков у Штаерман оказываются колонны.

Сообразно этому своему мнению, Штаерман ¹⁴⁹⁾ свидетельства Августина об освобождении рабов агонистиками относит не ко всем ¹⁵⁰⁾, а только к долговым рабам.

РЕВОЛЮЦИЯ РАБОВ НА ДУНАЕ

А. Дмитриев ¹⁵¹⁾ пытается установить, что восстание вестготов на Дунае в 376 г. сопровождалось движением туземного гетофракийского населения и революцией рабов. Однако доводы Дмитриева в пользу того, что в то время вспыхнула также революция рабов и подневольного гето-фракийского туземного населения, неубедительны.

Так, из свидетельства Аммиана Марцеллина, XXXI 6, 5, нельзя сделать вместе с Дмитриевым ¹⁵²⁾ заключение, что готов поддерживали не только их соплеменники, но и переселенные в предшествующие времена из числа сдавшихся римлянам или взятых римлянами в плен карпы, бастарны, сарматы и другие варвары. Выписываем соответствующее место из Аммиана Марцеллина: «Готы рассеялись по всему берегу и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами или взятые в плен указывали (им) богатые селения (*dediticii vel captivis vicos uberes ostendentibus*)». Дмитриев, следуя переводу Ю. Кулаковского, видит в *dediticii vel captivi* у Аммиана Марцеллина варваров, которые или сами сдались римлянам, или были ими взяты в плен. Между тем, из текста Аммиана Марцеллина совсем не видно, что это были пленные именно римлян. Так как в рассматриваемом пассаже речь идет не о римлянах, а о готах, то повидимому, более прав переводчик Аммиана Марцеллина на английский язык J. C. Rolfe, который дает: «While their prisoners or those who surrendered to them pointed out the rich villages» ¹⁵³⁾.

148) О падении рабовладельческого способа производства и возникновении нового способа производства — феодального — в трудах советских ученых см. ниже.

149) ВДИ, 1951, 2, стр. 105.

150) А. М а ш к и н. Движение агонистиков, стр. 35.

151) Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, ВДИ, 1950, 1, стр. 66—80.

152) Там же, стр. 73.

153) А. Пригожин, ИГАИМК, 76, стр. 21 и С. Ковалев,

Если же содействие готам оказывали туземцы, взятые готами в плен, то, как кажется, их помощь готам была не добровольной, а вынужденной и никакого основания говорить о сочувствии туземцев готам свидетельство Аммиана Марцеллина не дает.

У Иордана ¹⁵⁴): «И готы уже начали повелевать владельцам не как пришельцы и чужестранцы, а как граждане и господа, и с полным правом владеть всеми северными странами до Дуная. В то время вестготы, после столь славной победы, овладев, как родной землей, Фракией и прибрежной Дакией, начали обрабатывать (их)». Здесь, по мнению Дмитрева ¹⁵⁵), речь идет не только о готах, но и о гето-фракийском туземном населении. Однако одни только бывшие землевладельцы, разумеется, не могли обеспечить обработку земли, так как их, вероятно, было во много раз меньше, чем туземных и пришлых варваров. Повидимому, геты и фракийцы, как были, так и остались рабами.

О революциях рабов, по мнению Дмитрева, свидетельствует также Зосим ¹⁵⁶), говоря, что претендент на престол Прокопий и его соучастники вооружили рабов и без особого труда собрали большую толпу их, так как многие из рабов сами добровольно присоединились к ним. Однако переход рабов на сторону неприятеля — явление обычное в античном мире. Конечно, рабы в античном мире во все времена мечтали о свободе, и возможность избавиться от своих господ представлялась им во время войны. Однако переход рабов к неприятелю — результат внешних, случайных причин (войны, осады города и т. д.) и совсем не является признаком какого-то особенного состояния общества ¹⁵⁷).

А. Дмитрев ¹⁵⁸) рассказывает о восстаниях в Дакии, сопровождавшихся вторжением соседних варварских народностей. Он (стр. 82) говорит также об участии рабов в движении даков, но это свое положение никакими доказательствами подтвердить не может.

ИГАИМК, 76, стр. 57, также просто выписывают перевод разбираемого места Аммиана Марцеллина у Кулаковского и никто из них не производит сличения перевода Кулаковского с латинским оригиналом.

¹⁵⁴) *Get.*, XXVI, 138.

¹⁵⁵) ВДИ, 1950, 1, стр. 75.

¹⁵⁶) IV 5, 5.

¹⁵⁷) О. Крюгер, Движение рабов в доэллинистическую эпоху, ИГАИМК, 101, стр. 116—138, случаи перехода рабов к неприятелю, переманивания рабов, бегства рабов в соседние страны рассматривает отдельно.

¹⁵⁸) К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжением варваров, ВДИ, 1949, 1, стр. 76—85.

ВТОРЖЕНИЕ АЛАРИХА В РИМ

Присоединяясь к высказываниям Сталина — «Все варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹⁵⁹⁾, «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹⁶⁰⁾ — Н. Голубцева¹⁶¹⁾ пытается доказать, что с наступлением варваров сочеталась революция внутри империи. Более правы западноевропейские и американские ученые, игнорирующие революцию рабов и полагающие, что вторжение Алариха в Рим в 410 г. — случайный эпизод и что пребывание готов в Риме не оставило заметных следов. Действительно —

1) Голубцева приводит свидетельство Зосима¹⁶²⁾ и Созомена¹⁶³⁾ о переходе рабов к Алариху. Однако, как мы видели выше, переход рабов во время войны на сторону неприятеля еще не является признаком революции. К тому же, к Алариху, по Зосиму, перебежало сравнительно не так много рабов, а именно 40 000, т. е. только в два раза больше того количества афинских рабов, которые, по Фукидиду, во время Декелейской войны перешло на сторону пелопоннесцев. Конечно, переход к неприятелю больше, чем 20 000 рабов нанес сравнительно маленьким Афинам не меньший вред, чем Риму переход 40 000 рабов к Алариху.

2) Грабежи и убийства — явление обычное при взятии городов, особенно в античном мире. Однако неизвестно, как велики были эти грабежи при взятии Рима готами. Как отмечает и Голубцева, Зосим, Орозий, Августин, Иордан свидетельствуют о милосердии готов¹⁶⁴⁾.

КРИЗИСЫ, КОЛОНАТ, ПАДЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Советские ученые и до сих пор не пришли к соглашению между собой относительно того, что следует разуметь под кризисом рабов-

159) И. В. Сталин. Соч., т. XIII, стр. 296.

160) Там же, стр. 239.

161) Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим, ВДИ, 1949, 4, стр. 62—74.

162) V, 42.

163) Eccl. Hist., IX 6, 3.

164) О восстаниях также писали А. Болтунова, Восстание Анкета, ВДИ, 1939, 2, стр. 57; А. Дмитриев, Движение багаудов, ВДИ, 1940, 3—4, стр. 101—114 (багауды — галльские и испанские крестьяне).

владельческого общества и когда именно феодальный способ производства сменил рабовладельческий способ производства¹⁶⁵).

А. Ранович¹⁶⁶) придерживается мнения, что в классово-эксплуататорском обществе внутренние классовые противоречия (обширная база дешевого рабского труда, препятствующая техническому прогрессу, отвращение свободных людей к труду и т. д.) делали развитие возможным лишь в ограниченных размерах. Внутри известных границ были возможны величайшие достижения, рост культуры, рост производительных сил. Но наступал момент, когда эти границы становились тесными, и тогда либо их прерывала социальная революция, либо общество должно было эволюционировать. Развитие рабства, денежных отношений, обмена разлагает традиционные отношения, которые мыслились, по крайней мере, в идеале как равенство членов рабовладельческого общества в целом. Ранович предполагает 4 кризиса:

а) В Греции кризис наступает с конца IV в. до Р. X. Полис экономически и политически не соответствовал больше тем условиям, которые вызвали его к жизни и давали ему устойчивость и силу. Создание наемного войска отрывало гражданина от его полиса, и в руках полководца оно могло служить орудием, направленным против собственного города. Выходом для рабовладельцев могло быть

165) Из более ранних работ о колонате и падении рабовладельческого способа производства отметим: С. Ковалев, Классовая борьба и падение античного общества, ИГАИМК, 100, 1933, стр. 345—354; Л. Раков, К проблеме разложения рабовладельческой формации, ИГАИМК, 66, 1933, стр. 22 сл.; А. Пригожин, Возникновение западноевропейского феодализма, ИГАИМК, 103, 1934, стр. 48—72; Гибель античного мира и проблема социальной революции в античности, ИГАИМК, 76, 1934, стр. 7—26; В. Сергеев, Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи, ВДИ, 1938, 3 (4), стр. 117—146; М. Сергеев, К истории колонатских отношений, ВДИ, 1949, 2, стр. 56—59 (автор, анализируя стихотворения Марциала и сообщение Колумеллы I, 7, 2, о каких-то «маленьких добавках» (*parvae accessiones*), которые, кроме денежной уплаты, колон должен был делать, полагает, что первоначальный мелкий арендатор, бедный, но совершенно свободный человек, являясь в определенные дни к хозяину со своими подарками, просто выполнял долг вежливости по отношению к старшему и только с течением времени эти относительно добровольные подарки превратились в обязательные взносы); Н. Юдикис. Колонат в Римской империи, УЗ Вологодского ГПИ, т. IV, 1948, стр. 37—77 (о колонате в Италии и Африке в I в. до Р. X. — II в. п. Р. X.).

166) Основные проблемы истории эллинизма, ВДИ, 1949, 1, стр. 11—28; Эллинизм и его социально-экономические основы, Вопросы истории, 1945, 2, стр. 99—117; Эллинизм и его историческая роль; Восточные провинции...; Колонат в римском законодательстве II—V вв., ВДИ, 1951, 1, стр. 83—109.

только создание, путем завоевания, более обширного экономического единства, дающего возможность воспроизвести старый процесс на более высокой ступени.

б) Однако создание эллинистических монархий дало рабовладельцам только кратковременную передышку. Расширение внутренней торговли и рост внешнеторговых связей привели эллинизм к новому кризису, который разрешился римским завоеванием. Римская экспансия на Восток была выражением, наиболее грубым и беспощадным, общей закономерности рабовладельческого общества, где расширенное воспроизводство возможно лишь путем экспансии вовне.

в) Во II в. до Р. X. наступает затяжной кризис, который в конце концов привел к установлению военной диктатуры (империи). Колоны уже с I в. по Р. X. являлись, по мнению Рановича, предшественниками крепостных; колон — зависимый, полукрепостной, фактически лишенный гражданских прав, к которому применялось внеэкономическое принуждение. Колоны, согласно уставам поместий, начиная с I в. по Р. X. обязаны были работать на поле хозяина, правда, всего несколько дней в году — при пахоте, севе, уборке урожая — но принципиально это было новым явлением¹⁶⁷⁾. В Греции во II в. до Р. X. рабовладельческий способ производства изжил себя и рабство перестало быть выгодным¹⁶⁸⁾.

г) Наконец, после нового кризиса III в. н. э., правительство указом Константина *ad provinciales* 332 г.¹⁶⁹⁾, декретом Гонория и Феодосия 409 г., налоговой реформой Диоклетиана, прикрепляя колону к земле, дает законодательную санкцию существующим отношениям и колоны превращаются в податное сословие (*tributarii, adscripticii*): они вносились в цензовые книги в качестве плательщиков подати, за взнос которой отвечал посессор. Посессор мог беспрепятственно наложить руку на состояние колона¹⁷⁰⁾.

¹⁶⁷⁾ Восточные провинции . . . , стр. 11, 24 сл.

¹⁶⁸⁾ Эллинизм, стр. 284. Однако Ранович не замалчивает значения рабов в эпоху империи, говоря, например, о множестве рабов в Пергаме (Восточные провинции . . . , стр. 65), об обработке латифундий в Сирии также с помощью рабов (Там же, стр. 147), об усилении в Египте при римском владычестве роли рабского труда в хозяйстве (Там же, стр. 204).

Повидимому, приблизительно такого же взгляда, как Ранович, придерживаются Н. Дьяков и Н. Никольская, История древнего мира под редакцией Н. Дьякова и Н. Никольской, Москва, 1952, полагая, что кризис рабовладельческого строя начался в I в. до Р. X. и был лишь искусственно преодолен установлением империи, как военной диктатуры.

¹⁶⁹⁾ *Cod. Theod.*, V, 17, I.

¹⁷⁰⁾ Применяют учение Рановича о кризисах к отдельным местностям Н. Шафранская, ВДИ, 1951, 3, стр. 9 сл. и О. Кудрявцев, Записки

С мнением Рановича, Дьякова и других о столь раннем кризисе рабовладельческого общества и о колонне, как о предшественнике средневекового крепостного, уже с I в. н. э. не согласно большинство советских ученых.

Так, М. Сюсюмов¹⁷¹⁾, рассматривая текст Dig. 43, 32, 1, Pr. 1 (Demigando), который, по его мнению, истолкован Рановичем предвзято, и комментариев к нему¹⁷²⁾, полагает, что закон, правда, предоставлял землевладельцу право наложить запрет на вещи того колона, арендовавшего у него участок земли, который желал переселиться, так как, по разъяснению римских юристов, колон, арендовавший участок (*ἀροῦ μισθωτός*), в противоположность инквиллину, получал землю на определенном условии — обработать ее и, если он бросал участок, не обработав, то, хотя бы он уплатил всю сумму арендной платы вперед, он тем не менее договора не выполнил. Однако, если колон не желал переселиться и аккуратно платил *pensionem*, то всякая попытка possessора наложить руку на его имущество подпала бы под статью закона C. I. VII 4 — *unde vi*.

В. Сергеев полагал, что уже во II—III вв. «... наместились основные линии перехода рабовладельческого Рима в крепостной, каковым он представляется нам в последние века Римской империи»¹⁷³⁾. Подобной же точки зрения придерживается и Е. Штаерман¹⁷⁴⁾. По мне-

тение Эллады в период империи, его причины и значение, ВДИ, 1953, 2, стр. 37—50. Шафранская пытается установить кризис рабовладения в Ольвии в III в. до Р. X., произвольно толкуя декрет ольвиополитов в честь Протогена (см. А. Коцевалов. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании, Мюнхен, 1955).

Кудрявцев отмечает в Элладе со второй половины III в. до Р. X. упадок ремесленного производства, а в известной степени и интенсивного земледелия, т. е. тех отраслей хозяйства, в которых в первую очередь применялся рабский труд, отлив населения от Эллады, а в частности его физическое уничтожение, избыток люмпенпролетариата в городах, запустение земель вследствие недостатка рабочих рук. По мнению Кудрявцева, для образования в Элладе важнейшей эмбриональной формы феодальной собственности в пределах Римской империи — экстерриториального поместья, в котором применялся труд колонов и посаженных на землю рабов, — и мелкой крестьянской и ремесленной собственности на средства производства, характерной для феодальной формации, было меньше предпосылок, чем где бы то ни было в других странах.

¹⁷¹⁾ Еще о юридических источниках для истории колоната (по поводу статьи Рановича, Колонат в римском законодательстве), ВДИ, 1951, 4, стр. 83—88.

¹⁷²⁾ Bas., LX, XIX, I, с. 5.

¹⁷³⁾ Очерки по истории древнего Рима, II, Москва, 1938, стр. 618.

¹⁷⁴⁾ Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, 2, стр. 51—79.

нию Штаерман, события II—I вв. до Р. Х. не могут еще рассматриваться как проявление кризиса рабовладельческого строя: во II—I вв. до Р. Х. прокладывают себе путь развитые рабовладельческие отношения, достигающие в этот и последующий период своего наивысшего расцвета. Порабощаются различными способами огромные массы еще недавно свободных людей. Замена республики империей дала новый толчок развитию более совершенной формы рабовладельческого хозяйства — средних рабовладельческих вилл.

Штаерман представляется неверным считать, что, пока существовали рабы и рабовладельцы, продолжала существовать и рабовладельческая формация, в которой сохранились те же основные классы (т. е. рабы и рабовладельцы). Она полагает, что с конца II в. начинается кризис рабовладельческого общества, в III в. происходит борьба между феодализирующейся знатью и группами, связанными с рабовладельческим способом производства (городской курией, городским плебсом) и обнаруживается поражение старых форм хозяйства, а в IV в. нельзя уже говорить о существовании рабовладельческих форм.

В IV в. представитель отсталой рабовладельческой формы куриал эксплуатировал лишенного средств производства раба. В конце II и в III в. возникает новая латифундия. Владелец латифундии был представителем более развитой частной собственности: он эксплуатировал колона, наделенного известным минимумом средств производства. Рабы, получая от своих господ надел и *rescuium* (имущество) приблизительно на таких же условиях, как и колоны, сливаются с классом колонов, и раб, как таковой, использовался в крупном поместье лишь в качестве домашней прислуги.

Сообразно с этим улучшается положение раба (например, господин в это время не мог уже убить раба, заточить его в тюрьму), а, с другой стороны, усиливается стремление углубить грань, разделяющую свободных и рабов¹⁷⁵). В результате кризиса II—III вв., императорские земли растут за счет конфискации городских земель, а потом уже в больших количествах переходят вместе с сидевшими на них земледельцами в руки крупных земельных арендаторов из земельной знати.

Придунайские и прирейнские области, западная и южная Нумидия, Мавритания и другие местности, имевшие еще общинный строй, шли к феодализму более прямым путем эксплуатации и прикрепления к земле обедневших крестьян-общинников.

¹⁷⁵) См. также Е. Штаерман. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, 2, стр. 84—105.

На Востоке феодализация начинается раньше, но идет медленнее, денежная рента сохраняется. Пережитки рабовладельческого способа производства: ограниченность владельческих прав колона по сравнению с правами феодального крестьянина, существование массы люмпенпролетариата, сохранение известного числа императорских земель, не перешедших в частные руки, существование бюрократического государства.

К еще более позднему времени относят возникновение феодального способа производства А. Каждан и А. Корсунский. По мнению Каждана ¹⁷⁶⁾, против наличия кризиса рабовладельческого общества уже с конца II в. по Р. Х. говорят сельскохозяйственные изобретения (например, плуг новой формы, жатка, состоящая из короба на двух колесах и рабочего края с укрепленными на нем зубцами) эпохи империи и вытеснение земледельческого хозяйства более интенсивным садоводством и виноградарством в Италии и маслоделием в Африке, данные о важном значении в это время рабовладения (например, об огромных поместьях с большим количеством рабов в Африке, о *rustici* в IV в. в Галлии, которые, по сочинению Палладия Рутилия, не имели своего хозяйства и не были, следовательно, самостоятельными, об увеличении количества рабов в Египте в VI стол. и т. д.) и о мелкой свободной собственности (в IV в. крестьяне совсем не были поработаны ни в Италии, ни тем более в провинциях; хозяйство северо-восточной Галлии было основано на свободном крестьянском труде; в Африке во II—III вв. преобладает мелкая и средняя собственность жителей муниципий, выросшая за счет прежних огромных латифундий и т. д.).

Колоны не закрепощаются, а, наоборот, становятся все более и более самостоятельными. Объясняется это явление нерентабельностью рабовладельческой латифундии и потребностью в квалифицированном и заинтересованном работнике. В Италии колон, оседавший в I в. до Р. Х. на известный срок, связанный не только денежной или натуральной платой, но и известными дополнительными взносами (*accessiones*), фактически приобретает некоторые права на свое хозяйство, превращаясь из батрака в наследственного арендатора, а в IV в., как видно из переписки сенатора Симмаха, колоны не только сами работали, но и применяли труд рабов, господин не имел никакой юрисдикции по отношению к колону. Наоборот, колоны самостоятельно вели тяжбы, без помощи судебных властей нельзя было

¹⁷⁶⁾ О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, 3, стр. 77—106.

заставить колона платить арендную плату, колоны присваивали арендованную землю.

В Римской Африке колоны превращались в собственников своих наделов, имеющих право их продавать. Египетские крестьяне не только не становились с течением времени крепостными, а, наоборот, фактически приобретали право перехода, зависимость сообщества крестьян (*consortium vicanozum*) в Египте часто заключалась только в уплате денежной или натуральной подати, которую вносило *consortium*. В Малой Азии и Сирии *γεωργοί* вносят подати непосредственно сборщикам налогов и ничего не знают об отработочных повинностях.

По мнению А. Корсунского¹⁷⁷), рабы играли еще весьма важную роль в экономической жизни Западной Империи в IV—V вв., на что указывает и огромное количество рабов в поместьях, и внимание, уделяемое рабам законодательством. Рабский труд применялся как в крупном землевладении (в господской его части), так и в среднем и мелком землевладении, и у нас нет оснований считать, что хозяйство куриалов и крестьян было поглощено в IV или V в. крупным землевладением.

Нельзя также говорить о коренном изменении положения рабов, данные же источники, указывающие на известную хозяйственную самостоятельность рабов, касаются той узкой прослойки рабов, которые, по поручению своих господ, занимались торговлей и ремеслами, служили в качестве управляющих поместьями и т. д.

Рабы попрежнему были лишены всяких политических и гражданских прав. Запрещение продавать рабов-цензуариев без земли совсем не имело своей целью закрепить за рабами участки, которые они обрабатывали, так как право не мешало господам переводить рабов из одного своего имения в другое или из числа сельскохозяйственных рабов в состав дворни. К тому же, эти законы были изданы в Восточной Римской империи и в V в. в Западной Римской империи, повидимому, не применялись. И в V в. за рабами не признавалось право на подлинный брак (*matrimonium*), а допускалось только простое сожительство (*contubernium*). В IV—V вв. у господина было еще право над жизнью и смертью рабов.

Время с IV в. характеризуется прикреплением вольноотпущенников к земле, увеличением зависимости их от прежних господ, ограничением права распоряжаться своим имуществом. Например, иму-

¹⁷⁷) О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв., ВДИ, 1954, 2, стр. 45—69.

щество вольноотпущенников — Latini после их смерти наследовалось не их детьми, а возвращалось в собственность патрона. Патрон всегда мог, в одних случаях легально, в других с нарушением правил, но также без особого риска для себя, снова обратить вольноотпущенника в рабское состояние.

По мнению Корсунского, в IV и особенно в V в. колон выступает уже как земледелец, находящийся не только в поземельной, но и в личной зависимости от собственника. Корсунский выступает против тезиса Ф. Нахман¹⁷⁸⁾ и А. Каждана о постепенном приобретении колонами владельческих прав на землю. Действительно, закон Адриана (II в.) об оккупации африканских пустошей предоставляет колонам право владеть землей и передавать ее по наследству — *ius possidendi ac fruendi hereditique suo relinquendi*. Однако владение землей у африканских колонов II в., о которых идет речь в законе Адриана, не являлось обычным владением, но постепенно приближалось по своему типу к эмфитевтическому¹⁷⁹⁾, для эмфитевсиса же и в IV—V вв. характерно было наличие у держателей земли права пожизненного пользования и передачи этой земли по наследству¹⁸⁰⁾.

В том письме Симмаха¹⁸¹⁾, в котором автор просит вмешательства властей для изгнания некоего инквиллина из владений своей родственницы, слово «инквиллин» не является синонимом слова «колон», как полагает Каждан, а употреблено в старом значении, т. е. под инквиллином разумеется съемщик какого-либо помещения. Во втором же письме, на которое ссылается Каждан¹⁸²⁾, говорится вообще не о колонах, а о рабах, посаженных на землю, и особенно об управляющих поместьями (акторах), которые, вследствие отдаленности поместий, не испытывали страха перед господами.

Колоны IV—V вв. не только не считались собственниками обрабатываемой земли, но и не имели прочных прав на пользование своим земельным наделом и не являлись собственниками орудий производства. Землевладельцы произвольно повышали оброки колонов по сравнению с обычаем. В IV—V вв. узы зависимости колонов от крупных землевладельцев становятся настолько тесными, что в не-

178) ЖМНП, 1909, ч. XXI, стр. 233—234.

179) Эмфитевсис — передача в аренду заброшенных или разоренных участков на условиях освобождения на известный срок от всяких поземельных налогов, а затем на основании фиксированной суммы натуральных и денежных налогов.

180) С. I., XI, 58, 6, 386 г.

181) Ер. IV, 68.

182) Ер. IX, 6.

которых отношениях не отличаются от рабской зависимости, и законодательство часто рассматривает колонов как людей, принадлежавших лично землевладельцам.

Корсунский также не соглашается с утверждением Штаерман о том, что в эпоху Поздней империи колоны и свободные крестьяне почти полностью сливаются в одну категорию населения: с конца V в. колонов зачастую обозначают так же, как и рабов, термином *mancipia*.

По мнению Корсунского, хотя мы наблюдаем в обществе Поздней Римской империи элементы зарождающейся феодальной собственности, но не имеем оснований считать, что она уже вытеснила рабовладельческую форму собственности, что последняя была в IV—V вв. лишь «пережитком»: рабство имело еще большее значение в экономике и оказывало большое влияние на форму новых, зарождавшихся экономических отношений; колон вел самостоятельно свое хозяйство¹⁸³, но его владение землей и орудиями производства было менее прочно обеспечено, чем у средневекового крепостного.

С. Ковалев¹⁸⁴, пытаясь примирить взгляды Е. Штаерман, А. Каждана и А. Корсунского, выдвигает следующую гипотезу. III век был лишь одним из этапов затяжной социальной революции: вследствие низкого развития передовых классов — рабов и колонов, соответствующего низкому уровню производительных сил рабовладельческого общества, и отсутствия в рабовладельческом обществе подлинно революционного класса, класса-гегемона, в классовой борьбе III—V вв. не было победителей и она окончилась общей гибелью борющихся классов. Отсюда историческая необходимость внешнего завоевания, довершившего ликвидацию рабовладельческого общества и государства, отсюда позднее оформление нового феодального способа производства (по Энгельсу, в IX в.).

Статью Ковалева, основанную на интерпретации Маркса, Энгельса и Сталина, а не на изучении античных источников, можно назвать типичным произведением советского ученого.

¹⁸³) А. Корсунский. Указ. соч., стр. 67. Непонятно, каким образом можно говорить о самостоятельном ведении своего хозяйства колоном, раз даже орудия производства являлись, по мнению Корсунского, собственностью не колона, а его господина. Повидимому, здесь автор неудачно пытается примирить собранные им свидетельства с марксистской догмой о закономерности развития общества от рабовладельческого строя к феодальному.

¹⁸⁴) К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи, ВДИ, 1954, 3, стр. 33—44.

А. Гемп¹⁸⁵⁾ рассматривает две группы населения, занимавшие, по мнению автора, в поздней Римской империи среднее положение между свободными и рабами, — трибутариев и инквилинов. Гемп не считает, вместе с Фюстель де Куланжем и Рановичем, трибутариев особым классом колонов. Отличие трибутария от римского гражданина в том, что трибутарий платил налог (*tributum*), от которого после удачных войн II в. до Р. Х. римские граждане были освобождены.

Во второй половине IV в. положение трибутариев было худшим, чем положение италийских колонов. Термин трибутарий в законах иногда применялся к рабам¹⁸⁶⁾. Трибутарии происходили из числа тех дедитициев, которым, по эдикту Каракаллы 212 г., не было предоставлено римское гражданство¹⁸⁷⁾.

Трибутарии не причисляются к самостоятельным и свободным (*suī arbitrii ac liberi*). Они или получали кое-что из урожая, таким образом работали как рабы-земледельцы, или отдавали часть урожая, а остальное сохраняли за собой в качестве пекулия; беглые трибутарии подлежали возврату своим старым господам. В указе 390 г.¹⁸⁸⁾ упоминаются *servi tributarii* и *servi inquilini*¹⁸⁹⁾. *Servi tributarii*, по мнению автора, были оброчными рабами-земледельцами, работавшими на выделенных им земельных пекулиях, а *servi inquilini* — такими же оброчными рабами-ремесленниками.

Термин «инквилины» применялся в III в. 1) к лицам свободным, съемщикам по договору между полноправными сторонами и 2) к лицам, зависимым, находящимся *in potestate patris familias*. Последнего рода инквилины, по Дигестам, работают на господина *loco sergorum* «привязаны» (*adhaerent*) к имению, могут быть переданы по завещанию, вносятся в цензовые книги при описи имений. С начала V в. инквилины, колоны и рабы сливаются в одну бесправную массу.

Гемп из анализа положения трибутариев и инквилинов делает вывод, что в IV—V вв. в Римской империи продолжалась успешная борьба за сохранение рабовладельческих отношений.

185) Трибутарии и инквилины поздней Римской империи, ВДИ, 1954, 4, стр. 75—83.

186) *Cod. Theod.* X, 12, 2; конец 60-х, начало 70-х гг. IV в.

187) О дедитициях см. А. Ранович. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи, ВДИ, 1946, 2, стр. 66—80; Е. Штаерман. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы, ВДИ, 1946, 2, стр. 81—88.

188) *C. I.*, XI, 48, 12.

189) Первоначальное значение термина инквилин — съемщик жилого помещения.

Здесь я не буду входить в рассмотрение сложных юридических вопросов, которые пытается разрешить Гемп. Замечу только, что едва ли можно считать установленными данным автором категории каких-то *servi tributarii* и *servi inquilini*. Выдвигая (стр. 79 сл.) этот тезис, Гемп основывается на указе Аркадия и Гонория 390 года:

„*Servos vel tributarios vel inquilinos apud dominos volumus remanere, nam cum metu damni deterritus unusquisque eum, quem incognitum habuerit, coeperit propulsare, voluntas fugiendi servis non erit... Si quis ex memoratis fugitivis apud quemlibet fuit repertus, XII libras argenti fisco nostro inferat detentator, ipsi autem, cujus fuit, praeter eundem fugitivum alterum etiam ejusdem aestimationis inferre decernimus*“.

Гемп предполагает, что слова *vel tributarios vel inquilinos* в начале выписанного текста являются определением к слову *servos* (рабы, или трибутари, или инквилины). За то, что текст имеет в виду исключительно рабов, говорит также упоминание о стоимости (*aestimatio*) беглого¹⁹⁰).

Однако, повидимому, скорее можно согласиться с Рановичем, что в начале указа речь идет не о двух, а о трех разрядах людей (*servi, tributarii* и *inquilini*), так как, придерживаясь точки зрения Гемп, мы должны были бы допустить, что или все рабы принадлежали к разрядам *tributarii* и *inquilini*, или указ совсем не имел в виду рабов в собственном значении этого слова — предположения, совершенно неправдоподобные.

Вероятно, указ относится главным образом именно к рабам в собственном значении этого слова и предписывает всякому изгонять всех неизвестных, в том числе трибутариев и инквилинов для того, чтобы отбить охоту у рабов убежать от своих господ.

¹⁹⁰ Кстати, перевод второй фразы указа у Гемп неправилен: вместо «тому же, чей был беглый, мы предписываем вернуть беглеца или уплатить стоимость беглого по оценке» следует переводить — «самому же тому, чей был беглый, мы предписываем представить кроме этого самого беглеца также другого (раба) той же стоимости».

Нельзя сказать, чтобы члены редакционной коллегии ВДИ очень внимательно читали рукописи авторов, раз они пропустили подобного рода фантастический перевод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, все попытки советских ученых втиснуть историю античного общества в марксистскую схему исторического материализма терпят крах. Уже исследование терминов для обозначения рабов у В. Ленцмана, Л. Казамановой, А. Дмитриева обнаруживают неумение авторов пользоваться методами лингвистики и их нежелание дать объективное толкование привлекаемых ими литературных и эпиграфических текстов.

Попытка советских ученых доказать, что античное общество всецело основывалось на рабовладельческом способе производства, неудачна. Фессалийских пенестов и спартанских илотов нельзя вместе с Б. Граковым назвать представителями какого-то «общинного рабства», так как уже античные авторы различают между илотами и пенестами, с одной стороны, и рабами, с другой.

Вопреки мнению А. Рановича, крестьян (*λαοί*) в Малой Азии во второй половине IV—III в. до Р. Х. цари рассматривали как своих крепостных и продавали и дарили их своим приближенным и, как кажется, городам, отказываясь в их пользу от налогов деньгами, продуктами и работой с крестьян данной местности. *Λαοί* со своими семьями иногда помогали своим господам при обработке земли и сада.

Имеются также свидетельства о существовании феодализма на Боспоре и в Скифии.

Нельзя согласиться с Я. Ленцманом, что процветание острова Делоса после разрушения Коринфа римлянами в 146 г. до Р. Х. основывалось исключительно на торговле рабами и что данных, которые бы позволяли считать торговлю Делоса хлебом в это время значительной, мы не имеем.

Советские ученые обнаруживают тенденцию преувеличивать значение восстаний в античном мире и во всякого рода беспорядках, будь то религиозные движения или волнения, вызванные вторжением варваров или, наконец, просто грабежи разбойников, видят революции угнетенных классов — рабов или крестьян.

Например, нельзя согласиться с некоторыми советскими учеными, что восстание Спартака объединило рабов и свободных крестьян (А. Мишулин), что руководители восстаний рабов II—I вв. до Р. Х. стремились, прежде всего, к ликвидации рабства (А. Мишулин и С. Жебелев), что разногласия в армии Спартака объясняются не племенной враждой, а тем, что задачи двух групп, входивших в армию

Спартак, — рабов и свободных крестьян — не могли быть объединены общим руководством (Мишулин), что Спартак происходил из царского рода, будучи родственником боспорских Спартокидов (коммунист Мишулин, для того, чтобы приукрасить личность Спартака, пользуется этим мотивом о его принадлежности к царскому роду).

Связь буколов в Египте с крестьянами А. Дмитриевым не установлена. Восстание циркумцеллионов в Африке, повидимому, носило чисто религиозный характер и совсем не было социальной революцией рабов при участии колонов (А. Машкин), или же колонов при участии рабов (Е. Штаерман). А. Дмитриев едва ли убедит беспристрастного читателя в том, что восстание вестготов на Дунае в 376 г. сопровождалось движением туземного гето-фракийского населения и революцией рабов. Нельзя согласиться с Н. Голубцовой, что вторжение Алариха в Рим в 410 г. сочеталось с революцией внутри империи.

С задачей во что бы то ни стало установить эволюцию институтов рабства и колоната в Римской империи как проявление какой-то закономерности развития общества от рабовладельческого строя к феодальному советским ученым далеко не всегда удается справиться, и они до сих пор не пришли к соглашению между собой о том, что следует понимать под кризисом рабовладельческого общества, когда именно рабовладельческий способ производства заменяется феодальным и т. д. Так, А. Ранович полагает, что затяжной кризис рабовладельческого общества привел к установлению военной диктатуры (империи) и уже с I в. по Р. Х. колонны являлись предшественниками средневековых крепостных. Е. Штаерман относит начало кризиса рабовладельческого общества к концу II в. по Р. Х. Против Штаермана выступают А. Каждан и А. Корсунский. Каждан видит основную тенденцию развития аграрных отношений в Римской империи в укреплении экономически самостоятельного хозяйства колона. Корсунский подчеркивает большую роль, которую продолжало играть в эпоху империи рабство, и, полемизируя с Кажданом, говорит о приниженном положении колона. С. Ковалев пытается примирить Штаермана, Каждана и Корсунского гипотезой о затяжной социальной революции рабовладельческого общества (от III до IX вв.), хотя спор Каждана и Корсунского о том, превращался ли колон с течением времени в самостоятельного свободного хозяина или же, наоборот, его положение в Поздней Империи в некоторых отношениях не отличалось от рабской зависимости, может разрешить, только внимательное изучение античных текстов, а не ссылки на Маркса, Энгельса и Сталина, на чем построена теория Ковалева. По мнению Гемп, новые представители рабовладельческого производства — трибутарии и инквилины

— свидетельствуют о том, что рабовладельческая экономика в IV — первой половине V в. еще достаточно прочно сохраняет свои позиции и располагает возможностями в известных рамках противодействовать новым явлениям в области производственных отношений.

Как видно, открытая на страницах журнала «Вестник древней истории» дискуссия по вопросу о падении рабовладельческого строя в Римской империи далеко еще не закончена. Причиной расхождения советских историков между собою является их стремление во что бы то ни стало исходить из марксистских схем, которые к тому же одни из них толкуют так, а другие иначе, и нежелание основываться исключительно на объективном изучении соответствующих античных текстов.

A. KOTSEVALOV

SOVIET STUDIES OF ANCIENT SLAVERY AND SLAVE UPRISINGS

It is clear that attempts by Soviet scholars to force the history of ancient society into the Marxist framework of historical materialism are destined to failure. Even the research into the terminology for slaves, by Ya. Lentsman, L. Kazamova, and A. Dmitrev, reveals the inability of these authors to make use of linguistic methods and indicates their unwillingness to approach objectively the literary and epigraphic texts which they cite.

The attempt of Soviet scholars to prove that ancient society was entirely based on a slave-holding system of production is unsuccessful. It is impossible to call the *penesti* of Thessaly and the helots of Sparta representatives of a kind of "community slavery", as does B. Grakov, since even the ancient authors make a distinction between *penesti* and helots on the one hand and slaves on the other.

Contrary to the view of A. Ranovich, the rulers in Asia Minor in the second half of the fourth century and the third century B. C. regarded the peasants (*λαοί*) as their serfs and sold and gave them to their followers and apparently to cities, while abandoning for their benefit claims to taxes in money, in kind, and in the labor of the peasants of the given locality. The *λαοί*, together with their families, sometimes helped their lords to work the land and garden.

Similarly, there is evidence of the existence of feudalism on the Bosphorus and in Scythia.

It is impossible to agree with Ya. Lentsman that the flourishing of the island of Delos after the destruction of Corinth by the Romans in 146 B. C. was based exclusively on slave labor and that we lack data enabling us to regard the grain trade of Delos at that time as important.

The Soviet scholars indicate a tendency to exaggerate the importance of uprisings in the ancient world, and to regard all forms of disturbances, whether religious movements, or unrest resulting from incursions of barbarians, or, finally, simple plundering by robbers, as revolutions of the down-trodden classes, either slaves or peasants.

For instance, one cannot agree with several Soviet scholars that the Spartacus insurrection united the slaves and free peasants (A. Mishulin), that the leaders of the slave uprisings of the second and first centuries B. C. were primarily attempting to abolish slavery (A. Mishulin and S. Zhebelev), that differences of opinion in the army of Spartacus were not due to tribal enmity but to the fact that the aims of the two groups which made up his army, the slaves and the free peasants, could not be joined by a common leadership (Mishulin), and that Spartacus came from a royal family, being related to the Bosphorus Spartacides.

A. Dmitrev fails to establish the connection of the *bucoli* in Egypt with the peasants. The uprising of the Circumcellionians in Africa apparently was of a purely religious character and by no means a social revolution by slaves aided by *colones* (A. Mashkin), or of *colones* aided by slaves (N. Shtaerman). A. Dmitrev is unsuccessful in his attempt to convince the unprejudiced reader that the uprising of the Visigoths on the Danube in 367 was accompanied by unrest among the native Getae-Thracian population and a slave revolt. It is impossible to agree with N. Golubtseva that Alaric's incursion into Rome in 410 coincided with a revolution inside the Empire.

The Soviet scholars are far from being universally successful in attempting to carry out their task of approaching the evolution of the institutions of slavery and the colonate in the Roman Empire as examples of a kind of natural law of the development of society from a slave-holding system to a feudal system, and to the present time Soviet scholars have reached no agreement among themselves as to what is meant by a crisis in slave-holding society, when the slave-holding method of production is itself replaced by a feudal method, and so on. For instance, A. Ravnovich holds that the slow crisis of slave-holding society led to the establishment of a military dictatorship (the Empire) and that from the first century A. D. on, the *coloni* were forerunners of the medieval serfs, while A. Kazhdan and A. Korsunsky take an opposing view. Kazhdan regards the strengthening of the economically self-sufficient economy of the *colonia* as the basic tendency in the development of agrarian relationships in the Roman Empire. Korsunsky emphasizes the important role which slavery continued to play during the period of the Empire, and, in polemics with Kazhdan, speaks of the lowered status of the *colonus*. S. Kovalev attempts to pacify Shtaerman, Kazhdan and Korsunsky with the hypothesis that the social revolution of slave-holding society was very gradual (from the third to the thirteenth centuries), although Kazhdan's quarrel with Korsunsky as to whether the *colonus* changed in the course of time into an independent free owner or whether on the contrary his status in the Late Empire did not in some respects differ from slave dependency, can be decided only by a painstaking study of early texts and not by citations from Marx, Engels and Stalin. In the opinion of Gemp the new representatives of slave-holding production by *tributarii* and *inquilini* testify to the fact that the slave-holding economy of the fourth century and the first half of the fifth century held its own fairly well and had at its disposal possibilities, within certain limits, of counteracting the new phenomena in the field of productive relationships.

The reason for the differences in opinion among Soviet historians in regard to the question of the collapse of the slave-holding system in the Roman Empire is that they attempt at all costs to base themselves on Marxist patterns, which they moreover do not even treat uniformly; and that they are unwilling to base themselves exclusively on an objective study of the pertinent ancient writers.

DAS SKLAVENTUM DER ANTIKE UND DIE SKLAVENREVOLUTIONEN IN DER SOWJETISCHEN GESCHICHTSLITERATUR

Es steht fest, daß alle Versuche der Sowjetgelehrten, die Geschichte der antiken Gesellschaftsordnung in das marxistische Schema des historischen Materialismus hineinzupressen, zum Scheitern verurteilt sind. Bereits die den verschiedenen Bezeichnungen für Sklavenaufstände gewidmeten Studien der Sowjetwissenschaftler W. Lenzmann, L. Kasamonowa, A. Dmitrew beweisen, wie schlecht diese Autoren mit den Methoden der Sprachwissenschaft umzugehen wissen und wie wenig sie geneigt sind, die einschlägigen literarischen und epigraphischen Texte objektiv zu deuten.

Der Versuch der sowjetischen Gelehrten zu beweisen, daß die Gesellschaftsordnung des Altertums voll und ganz auf mit Sklaverei verbundenen Produktionsmethoden beruhte, ist hinfällig. Es geht nicht an, die thessalischen Penesten (πενέστες) und die spartanischen Heloten, wie B. Grakow es tut, als Vertreter einer Art „Gemeinde-Sklavenstandes“ zu bezeichnen, da bereits Autoren der Antike zwischen Penesten und Heloten einerseits und Sklaven andererseits einen Unterschied machten.

Der Auffassung A. Ranowitschs entgegen, betrachteten die Könige Kleinasiens im IV—III. Jahrhundert die Bauern (λαοί) als ihre Leibeigene und pflegten sie den Männern ihrer Umgebung zu verkaufen oder zu verschenken. Dies geschah anscheinend auch in bezug auf Städte, wobei die Könige auf die Zahlung von Geld- und Naturaliensteuern sowie auf die Arbeitsleistung der Bauern umliegender Ortschaften zu Gunsten dieser Städte verzichteten. Die λαοί mit ihren Familien waren ihren Herren manchmal bei der Ackerbestellung und beim Gartenbau behilflich.

Es gibt auch Beweise für das Vorhandensein einer feudalen Gesellschaftsordnung am Bosphorus und in Skythien.

Man kann auch J. Lenzmann nicht rechtgeben, wenn er behauptet, daß die Blütezeit der Insel Delos nach der Zerstörung von Korinth durch die Römer um 146 v. Chr. ausschließlich auf Sklavenhandel zurückzuführen gewesen sei und daß es keine Unterlagen gebe, die es erlaubten, den Brothandel von Delos in jener Zeit als bedeutend zu bezeichnen.

Bei den Sowjetwissenschaftlern ist die Tendenz zu beobachten, die Bedeutung von allerlei Aufständen und Unruhen des Altertums zu überschätzen. In allen religiösen Bewegungen, sämtlichen durch den Einfall von Barbaren verursachten Unruhen, ja sogar in Raubüberfällen erblicken sie stets Revolutionen unterdrückter Gesellschaftsklassen — Sklaven oder Bauern.

Es ist zum Beispiel unmöglich, einigen Sowjetgelehrten beizupflichten, der Spartakusaufstand habe zu einer Vereinigung der Sklaven und freien Bauern geführt (A. Mikulin), daß die Anführer der Sklavenaufstände im II und I. Jahrhundert v. Chr. vor allen Dingen bestrebt waren, das Sklaventum abzuschaffen (A. Mischulin und S. Shebelew), daß Zwistigkeiten in Spartakus' Armee nicht auf Stammesunterschiede zurückzuführen, sondern daß die Ziele beider in der Spartakusarmee

vereinten Gruppen — der Sklaven und der freien Bauern — im Sinne einer gemeinsamen Führung eben unvereinbar waren (Mischulin), daß Spartakus als Verwandter der Bosphorus-Dynastie der Spartakiden einem Herrscherhause entstammte (um die Person Spartakus' sympathischer zu machen, macht der Kommunist Mischulin sogar von dem Motiv der königlichen Herkunft Spartakus Gebrauch).

A. Dmitrew ist es nicht gelungen, Beziehungen zwischen den Bukolen in Aegypten und den Bauern festzustellen.

Der Aufstand der Zirkumzellionen in Afrika war offenbar von einem rein religiösen Charakter getragen und war durchaus keine soziale Revolution der Sklaven unter Beteiligung von Kolonen (A. Maschkin), oder eine solche der Kolonen unter Beteiligung von Sklaven (N. Staermann) gewesen. A. Dmitrew wird wohl keinen unvoreingenommenen Leser davon überzeugen können, daß der Aufstand der Westgoten an der Donau im Jahre 367 von einer Bewegung einheimischer Goto-Thrakier und einer Sklavenrevolution begleitet war. Man kann auch Frau N. Golubzewa nicht beipflichten, daß der Einbruch Alarichs in Rom um 410 mit einer Revolution im Inneren des Imperiums verbunden war.

Den Sowjetgelehrten will es nicht immer gelingen, den Evolutionsprozess innerhalb der Sklaveninstitution und des Kolonats im Römischen Reich als Symptome irgend einer Gesetzmäßigkeit in der Entwicklung vom Sklaventum zum Feudalismus zu deuten. Die Gelehrten in der Sowjetunion sind sich bis heute nicht einig, was man unter der Krise der Sklavenhalter-Gesellschaftsordnung zu verstehen habe, zu welchem Zeitpunkt die mit Sklaverei verbundene Gesellschaftsordnung von der feudalen abgelöst wurde usw. So z. B. nimmt A. Ranowitsch an, die latente Krise der auf Sklaverei fussenden Gesellschaftsordnung habe zur Militärdiktatur (Kaiserreich) geführt und daß die Kolone bereits ab I. Jahrhundert n. Chr. als Vorgänger der mittelalterlichen Leibeigenen zu betrachten seien. E. Staermann setzt den Beginn der Krise des Sklavenzeitalters auf das Ende des II. Jahrhunderts n. Chr. fest. A. Kashdan und A. Korsunskij treten als Gegner E. Staermanns auf.

Kashdan erblickt die Grundtendenz der Entwicklung landwirtschaftlicher Beziehungen im Römischen Reich in der Festigung der wirtschaftlichen Selbständigkeit der Kolonen. Korsunskij betont die wichtige Rolle, die das Sklavensystem in der Kaiserzeit zu spielen fortsetzt und unterstreicht in seiner Polemik gegen Kashdan die mißliche Lage der Kolonen. S. Kowalow versucht, Staermann, Kashdan und Korsunskij zu versöhnen, indem er die Hypothese einer langwierigen sozialen Revolution während des Sklavenzeitalters (vom III bis IX Jahrhundert n. Chr.) aufstellt, obwohl der Streit Kashdans und Korsunskijs darüber, ob die Kolonen sich allmählich zu selbständigen freien Landwirten entwickelt hätten, oder, im Gegenteil, sich ihre Lage in der spätrömischen Ära in mancherlei Hinsicht kaum von derjenigen der Sklaven unterschieden habe, kann nur durch ein eingehendes Studium antiker Texte, nicht aber dadurch gelöst werden, daß man sich auf Marx, Engels und Stalin beruft. Hemp nimmt an, daß die neuen Vertreter der mit Sklaverei verbundenen Produktion, die Tributarien und Inquilinen, beweisen, daß die Sklavenwirtschaft im IV. und in der ersten Hälfte des V. Jahrhunderts noch ziemlich feststehende Formen aufwies und über gewisse Möglichkeiten verfügte, Neuerscheinungen auf dem Gebiet der Produktionsverhältnisse gewissermaßen entgegenzutreten.

Der Grund zu den Meinungsverschiedenheiten unter den Sowjethistorikern in bezug auf den Sturz des Sklavensystems im Römischen Reiche liegt darin, daß sie unter allen Umständen bestrebt sind, sich auf marxistische Schemata zu stützen, welche dabei von den einen so und von den anderen wieder anders gedeutet werden, sowie darin, daß diese Historiker es ablehnen, sich ausschließlich auf ein objektives Studium entsprechender Autoren der Antike zu berufen.

A. KOTSEVALOV

L'ESCLAVAGE ANTIQUE ET LES RÉVOLUTIONS DES ESCLAVES DANS LA LITTÉRATURE HISTORIQUE SOVIÉTIQUE

Visiblement toutes les tentatives des savants soviétiques d'enchâsser l'histoire de la société antique dans le schéma du matérialisme historique sont vouées à l'échec. Déjà l'analyse des termes utilisés par V. Lentzmann, L. Kazamonova, A. Dmitrev en tant que définition des esclaves, montre que ces auteurs ne savent pas bien se servir des méthodes linguistiques et qu'ils ne désirent pas donner une interprétation objective des textes littéraires et épigraphiques.

La tentative des savants soviétiques de prouver que la société antique était basée entièrement sur la méthode de l'esclavage dans le domaine de la production, a échoué. On ne peut pas, comme le fait B. Grakov, affirmer que les pénestes de Thessalie et les ilotes de Sparte étaient soumis à un certain "esclavage communal", car déjà les auteurs antiques font une distinction entre les ilotes et les pénestes d'une part et les esclaves de l'autre.

Malgré l'opinion de A. Ranovitch, en Asie Mineure au cours de la seconde moitié du IV—III siècle a. T. Chr. les rois considéraient les paysans (*λαοί*) comme étant leurs serfs, les vendant et en faisant cadeau à leurs courtisans et probablement aux villes, en leur cédant des impôts en argent, en nature et en travail provenant des paysans de la localité donnée. Les paysans ainsi que leurs familles aidaient parfois les maîtres dans le travail agricole et des jardins.

Il existe aussi des témoignages sur l'existence du féodalisme dans le Bosphore et chez les Scythes.

On ne peut tomber d'accord avec J. Lentzmann sur le fait que l'état florissant de l'île de Delos après la destruction de Corinthe par les Romains en 146 a. T. Chr., se basait exclusivement sur le commerce des esclaves, et nous ne possédons pas de données qui auraient pu nous permettre de croire que le commerce des céréales de Delos fut considérable.

Les savants soviétiques montrent une tendance à exagérer l'importance des insurrections dans le monde antique ainsi que celle de toutes sortes de troubles, que ce soit les mouvements religieux ou les troubles causés par l'invasion des barbares ou, enfin, tout simplement par des pillages des brigands; ils entrevoient dans tout cela une révolution des classes opprimées — des esclaves ou des paysans.

Par exemple, on ne peut pas partager l'opinion de certains savants soviétiques assurant que l'insurrection de Spartacus aurait uni les esclaves et les paysans libres (A. Michouline), que les dirigeants du soulèvement des esclaves au cours des deux derniers siècles a. T. Chr. aspiraient avant tout à liquider l'esclavage (A. Michouline et S. Jebelev), que les divergences de vue dans l'armée de Spartacus peuvent être expliquées non pas par l'hostilité régnant entre les tribus, mais par le fait que les buts

de deux groupements qui formaient les troupes de Spartacus — les esclaves et les paysans libres — ne pouvaient pas être unis par une direction commune (Michouline), que Spartacus était d'origine royale se trouvant en parenté avec les Spartacides du Bosphore (le communiste Michouline, pour embellir la personnalité de Spartacus, utilise sa parenté avec les rois!).

En Egypte, la liaison entre les Bucoles et les paysans n'est pas établie par A. Dmitrev. L'insurrection des Circumcellions en Afrique, portait visiblement un caractère purement religieux, et ne constituait nullement une révolution sociale des esclaves avec la participation des colons (A. Machkine) ou des colons avec la participation des esclaves (N. Staerman). Il est douteux que A. Dmitrev puisse convaincre le lecteur objectif que le soulèvement des Wisigoths sur le Danube en 367 fut accompagné d'un mouvement de la population locale de Dacie et de Thrace et par une révolution des esclaves. On ne peut pas être d'accord non plus avec N. Goloubtzeva que l'invasion d'Alaric à Rome en 410 fut accompagnée d'une révolution à l'intérieur de l'Empire.

Les savants soviétiques ne réussissent guère à présenter l'évolution des institutions de l'esclavage et du colonat dans l'Empire romain comme une expression du développement régulier de la société de régime esclavagiste en un régime féodal; jusqu'à présent ces savants n'ont pas pu se mettre d'accord au sujet de ce qu'il faut comprendre comme crise de société esclavagiste, pour savoir exactement quand le mode esclavagiste de la production devient féodal, etc. Ainsi A. Ranovitch suppose que la crise prolongée de la société esclavagiste amena l'installation d'une dictature militaire (de l'Empire), et déjà à partir du I-er siècle p. Chr. les colons étaient des prédécesseurs des serfs moyenâgeux. Contre E. Staerman prennent position A. Kajdan et A. Korsounski. Chacun voit la tendance principale du développement des rapports agraires dans l'Empire romain dans le renforcement de l'économie indépendante du colon. Korsounski souligne le grand rôle que l'esclavage continuait à jouer à l'époque de l'Empire et, en polémiquant avec Kajdan, il parle de la situation opprimée du colon. S. Kovalev essaie de concilier Staerman, Kajdan et Korsounski en formulant l'hypothèse d'une révolution sociale chronique dans la société esclavagiste (du III au IX ss.). Pourtant la discussion entre Kajdan et Korsounski au sujet de savoir si le colon se transforme avec le temps en paysan libre ou, au contraire, si sa situation dans le Bas-Empire ne différerait pas de celle de l'esclavage à certains points de vue, ne peut être résolue que par une étude attentive des textes antiques et non pas par des références à Marx, Engels et Staline. Selon Hemp, les nouveaux représentants de la production esclavagiste, les "tributaires" et les "inquilins" témoignent de ce que l'économie esclavagiste du IV-e siècle et de la première moitié du V-e s. conservaient encore assez solidement ses positions et disposaient des possibilités suffisantes pour contrecarrer dans certaines limites les faits nouveaux surgissant dans le domaine des rapports de production.

Les causes de divergence des historiens soviétiques quant au problème de la chute du régime esclavagiste dans l'Empire romain, résident dans leur aspiration de s'appuyer à tout prix sur des schémas marxistes; que les uns parmi eux, en plus, les entreprennent d'une façon et les autres différemment; qu'ils ne veulent d'ailleurs pas se baser exclusivement sur l'étude objective des auteurs antiques.

Сведения об авторе

Андрей Степанович Коцевалов родился в г. Харькове 22 октября 1892 г. Окончил Харьковский Университет по классическому отделению в 1917 г. С 1921 до 1933 г. был научным сотрудником различных научно-исследовательских учреждений в Харькове (научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры и т. д.).

1935—1941 гг. научный сотрудник Института Археологии Академии наук УССР со специальным заданием расшифровывать и приготавливать к печати эпиграфические памятники из раскопок в Ольвии, из музеев в Одессе, Николаеве, Херсоне.

1937—1941 гг. профессор классической филологии Харьковского Университета.

В 1940 г. утвержден Всесоюзным Комитетом по Делах Высшей Школы в ученой степени доктора филологических наук и в 1941 г. в ученом звании профессора.

В 1943 г. эмигрировал из СССР.

С 1945 г. до сего времени ординарный профессор греческой филологии Украинского Свободного Университета в Мюнхене. Действительный член и руководитель секции античной истории Украинской Свободной Академии наук, действительный член Научного Товарищества имени Шевченко.

Имеет ряд печатных работ на русском, украинском, латинском, немецком и английском языках, посвященных главным образом истории и эпиграфике античного Причерноморья и исторической грамматике греческого языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия наук
BCH	— Bulletin de la Correspondence Hellénique
BGU	— Berliner Griechische Urkunden
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии Истории материальной культуры
IG	— Inscriptiones Graecae
КС	— Краткие сообщения о докладах и полевых работах Института истории материальной культуры Академии наук СССР
OGIS	— Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
Пединститут	— Педагогический Институт
RC	— C. V. Welles, Royal Correspondence in Hellenistic Period, New Haven, 1934
RE	— Pauly-Wissowa-Kroll, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
REG	— Revue des Études Grecques
SGDI	— Sammlung der Griechischen Dialektinschriften
SHA	— Scriptorum Historiae Augustae
SIG	— Sylloge Inscriptionum Graecarum ed. Wilh. Dittenberger
Suppl. b.	— Supplementband
УЗ	— Ученые записки
УЗ МГУ	— Ученые записки Московского Государственного Университета
Учпедгиз	— Учебно-педагогическое государственное издательство

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Термины для обозначения рабов	6
Было ли рабовладение единственным способом производства в античном мире	9
Воспроизведение и приобретение рабов	20
Революции рабов и крестьян до III в. н. э.	23
1. Доэллинистические восстания рабов	23
2. Восстания рабов II—I вв. до Р. X.	24
3. Восстания рабов и крестьян после Р. X.	30
Агонистики и циркумцеллионы	32
Революция рабов на Дунае	36
Вторжение Алариха в Рим	38
Кризисы, колонат, падение рабовладельческого и возникновение феодального способа производства	38
Заключение	49
Резюме:	
на английском языке	53
на немецком языке	55
на французском языке	57
Список соокращений	61